

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 6 (105) 2015
ноябрь — декабрь

**Тема номера:
«...В ЗАКОНЕ ЧТО НАПИСАНО?
КАК ЧИТАЕШЬ?» (Лк. 10:26)**

- Искусство быть счастливым
- Чудак с золотым сердцем
- Родители великого поэта

СОДЕРЖАНИЕ

«...В ЗАКОНЕ ЧТО НАПИСАНО? КАК ЧИТАЕШЬ?» (Лк. 10:26)

Протоиерей Андрей Ткачев – Павел Демидов
Писание – не то, что читается, а то, что понимается 4

Владимир Соболев – Павел Демидов
Быть здоровым – дело Божеское 7

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста... 10

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Иеромонах Алексей (Корсак)
Начальник всех русских монахов 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Эдуард Пасютин
Молят святые за нас 15

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус
Храм Параскевы Пятницы на Пятницкой 16

СТРАНА СЛОВ

Дарья Данилова
Жизнь души в остывающем мире 18

Алексей Ушаков
Шалим и Еретик, Ручей,
Белушья губа и другие стихи 20

СТРАНА КРАСОК

Павел Демидов
Простая формула счастья 22

МИР ВОКРУГ НАС

Ольга Куранова
А работал он на Господа 26

Ирина Ушакова
Странник Роман.
Александра Аркадьевна 29

Вадим Рутковский
Памятник и память –
слова одного корня 30

Татьяна Кольян
Родители великого поэта 32

ЛАМПАДКА

Ирина Иванова
Остров на море лежит 35

ЗА ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ 39

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**
lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм во имя Смоленской
иконы Божией Матери Одигитрии
(подробно – на с. 15). Фото Вадима
Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 17.11.2015
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра. Храни
его Господь**

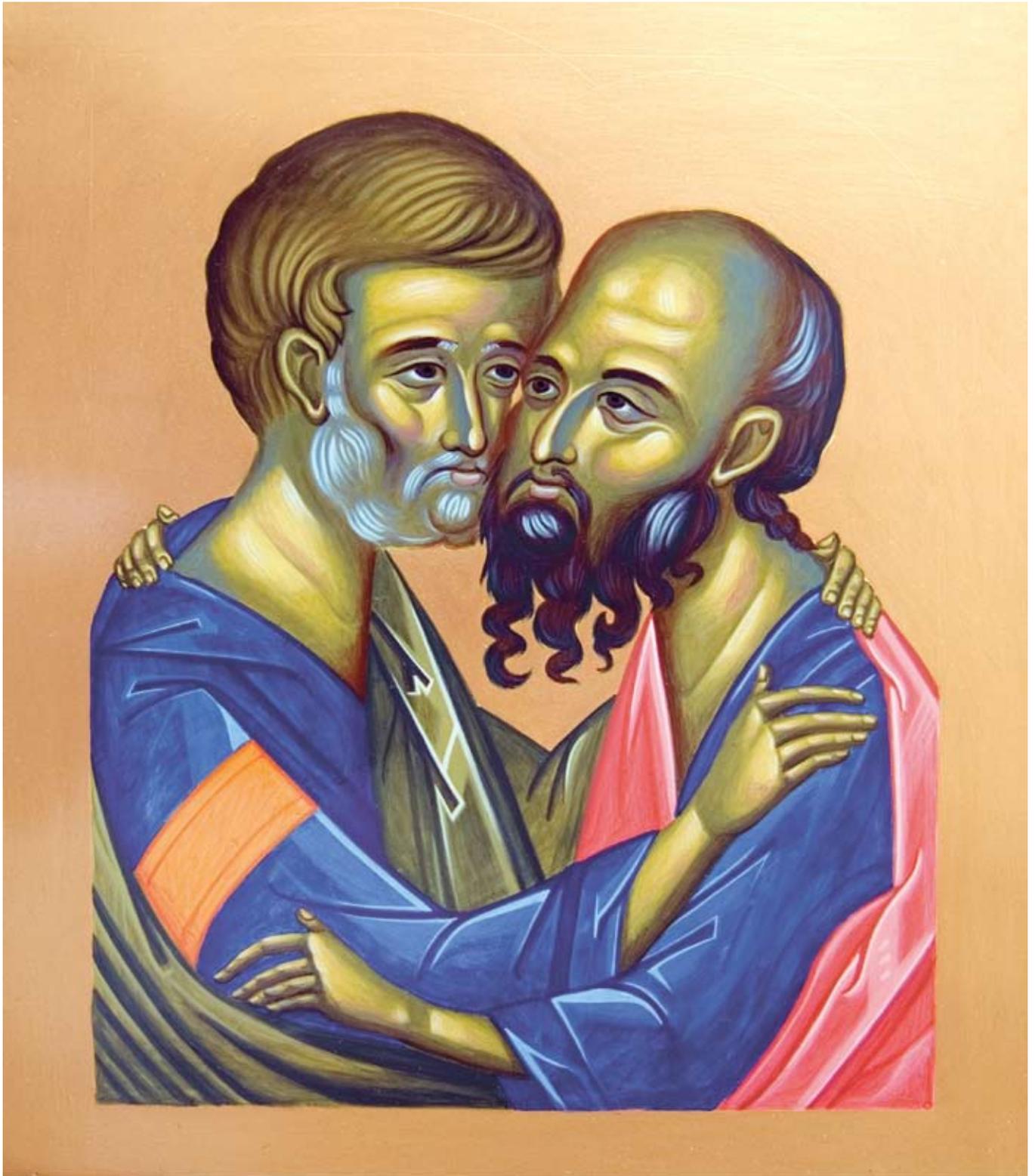
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 800 экз. Заказ № В-9278
© Лампада, 2015

Святые апостолы Петр и Павел

...долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом во всех посланиях...

2 Пет. 3:15-16

Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления и праведности...

2 Тим. 3:16

Протоиерей Андрей Ткачев

Писание – не то, что читается, а то, что понимается

Знакомить читателей «Лампады» с отцом Андреем не нужно: он, к нашей радости, ее постоянный автор. Не нуждается батюшка и в представлении православной читающей публике: только в этом году вышло несколько его книг: «Путь к жизни», «Ступени к Небу», «Религия сердца», «Пыль на соломенных погонах», «Проповедь о проповеди», «Человек важнее всего» и самая, на мой взгляд, главная, как бриллиант в окружении жемчужин, – «Беглец от мира». Я дал прочитать ее своему другу, убежденному атеисту, предполагая, что та придется ему, и услышал: «Купи мне, пожалуйста, эту книгу». Последнее еще больше утвердило меня: с главной темой этого номера нужно именно к отцу Андрею.

Павел Демидов

– Тему номера и, соответственно, нашей беседы помогли определить вы, отец Андрей, так что мой приход к вам, можно сказать, вы и предопределили. В Евангелии от Луки (10:25–26) один законник спрашивает Христа: «Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?». И Христос ему отвечает: «...в законе что написано? как читаешь?». Иными словами, что ты извлекаешь из прочитанного, так?

– Да, но для нас важно, что Христос задает именно двойной вопрос. Если бы закон был написан как кодекс: ясно, что можно, а что – нет, хватило бы и первого вопроса – «в законе что написано?». Прочитал – и ответил. Но закон – это, скорее, ребус, который не решить, не ответив на второй вопрос: «...как читаешь?». Иначе можно вывести что душе угодно, да еще подкрепить для верности цитатами.

– Например?

– Например, слова о любви к Богу из Второзакония (6:4–5): «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими».

– Но там не говорится о любви к ближним.

– Вот именно! Эти слова предстоит найти. И мы находим их в книге Левит (19:18): «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближне-

го твоего, как самого себя. Я Господь». Вам ничего не напоминают эти слова?

– Евангелие от Луки.

– Совершенно верно. В Новом Завете сомкнулись две максимы, прежде отстоявшие друг от друга (пятая и третья книги Моисеевы). Если Писание сравнить с океаном, то отдельные его отрывки – это острова, между многими из которых нет никакой связи. А их нужно объединить в архипелаг. И когда это происходит, возникает единое целое, возникает учение. Наступает время Благой Вести, в том числе и Благой Вести от Луки. И евангельский вопрос «как читаешь?» уже не просто вопрошение, но обращение ко всему прошлому и пережитому. Сегодня этот процесс нам кажется не очень сложным. Но это потому, что все свершилось до нас, мы, можно сказать, пришли на готовое. Чтобы славословие Единосущной и Нераздельной Троице произносилось сегодня легко и привычно, должны были пройти столетия борьбы за чистоту молящегося и славословящего ума таких гигантов, как святители Василий и Григорий. Так же и привычное понимание заповедей выношено древними и подарено нам.

– А, допустим, до Василия Великого и Григория Богослова? Как тогда читали Писание?

– Вероятно, по-разному. Но, в первых, все равно надо читать, даже если не совсем понимаешь. Так поступил евнух эфиопской царицы, бывший в Иерусалиме на празднике. На вопрос апостола Филиппа «...разумеешь ли, что читаешь?» тот сказал: «...как могу разуметь, если кто не наставит меня?». И попросил Филиппа взойти на колесницу и сесть с ним. Итак, евнух читал

не понимая и не стеснялся спросить. Не стыдно не знать. Стыдно не хотеть знать или делать вид, что знаешь, надутыми щеками прикрывая махровое невежество.

– Можно сказать, что, не стыдясь своего незнания, ты словно зажигаешь зеленый свет на пути собственного движения вперед?

– Именно так. Вернемся к встрече евнуха с Апостолом. «Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе». И далее: «...продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно». И Филипп крестил евнуха, и евнух продолжил путь, радуясь (см. Деян. 8:34–39). Это и есть зеленый свет.

– Остается только вздохнуть: тогда еще были живы апостолы...

– У Господа они живы и сегодня. И не только они. Молитесь. Просите. Апостол Филипп, между прочим, оказался рядом с евнухом по слову Духа, а после того как окрестил его, тем же Духом был восхищен оттуда в далекий Азот. Так что духовные контакты никому не заказаны. Есть, наконец, книги! Разве же не этот факт из истории человечества подтверждает, что у Бога действительно нет мертвых! Книги, оставшиеся нам в наследие, – это как бы телеграфный провод, способ общения с теми, кто их написал. С тех пор, как существует книга, человек – это современник всех людей, которые когда-либо жили и будут жить на земле. От нас зависит, кого и из какой эпохи избрать себе в собеседники. Зауживать свои безбрежные возможности до краткого

мига современной жизни, и даже не жизни, а мышинной возни, – это предательство по отношению к своему призыванию и грех перед лицом вечности. Проветривать мозги воздухом иных эпох полезно еще и потому, что это именно человеческое общение с людьми прежде жившими. Нас по-разному учили, мы очень многим отличаемся, а если понимаем друг друга, то, значит, понимаем на глубоком духовном и сердечном уровне.

– **Нет ли опасности превратиться в ананас-книжника?**

– Думаю, это личный выбор каждого. Глобальной опасности в таком подходе я не вижу. А вот что действительно представляется мне универсальным принципом: нельзя искать друзей среди тех, кто будет слушать тебя с открытым ртом. Нужно искать людей, которые мудрее тебя, нужно иметь желание сидеть молча у их ног или обивать их пороги. Желание и умение учиться есть признак мудрости. Вот почему, опять-таки, нужно спрашивать у тех, кто был прежде нас.

– **Вы произнесли фразу: «Не стыдно не знать». Кто же против? Но, согласитесь, так ли уж просто прилюдно в этом признаваться?**

– Кому как. Думаю, это во многом зависит от того, насколько человек о себе понимает.

– **Иными словами, от его гордыни.**

– Иными словами – да. Она чудесна, фраза «Не знаю». Ничуть не менее красива, чем ее антипод – торжествующее «Эврика!». От человека, который знает все, нужно бежать как от прокаженного. Незнание спасает. Оно – такой же подарок от Бога, как и наши относительные знания и умения. Из этой светотени, из сложных сочетаний «знаю – не знаю» и составляется красота человеческого мира. Знаю, например, что умру, но не знаю когда. Даже знать не хочу, чтобы этим убийственным знанием не отратить радость новизны и свободу творческого поведения. Знаю, что грешен, но не знаю насколько, потому что не я себе судья и не за мной слово оправдания или порицания. Отказываюсь от желания знать все. Но не отказываюсь от желания узнавать больше того, что уже знаю. И прежде всего – в познании Бога.

– **Вы уверены, что это человеку по силам? В Евангелии от Иоанна (1:18) сказано: «Бога не видел никто никогда». Вероятно, это не одно и то же, что Он непознаваем, да? А познавать Бога – это значит жить, или хотя бы стараться жить, по Его заповедям, не так ли?**

– Вы хотите сделать из этого какой-то вывод?

– **Скорее, перекинуть мостик к другому Евангелию, от Матфея: «...от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (12:37). Очевидно: Апостол охватывает этим предупреждением куда более широкое смысловое пространство, чем просто цена слов. «Оправдаешься или осудишься от слов своих» я воспринимаю как вечную альтернативу, стоящую перед человеком: жить по Христу или жить не по Христу. Иначе – познавать Бога или отказаться от этого.**

– Это крайне важно, я бы сказал, жизненно необходимо – уметь сопрягать между собой прочитанное, выстраивать не связанные друг с другом тексты в их причинно-следственной зависимости. Писание, говорит нам древняя мудрость Церкви, это не то, что читают, а то, что понимают. Писание предполагает толкование. Прочел – объясни. Это равно относится как к священнослужителю-проповеднику, так и к рядовому прихожанину. Но прежде чем объяснять кому-то, надо объяснить это себе, то есть понять. Ответить на вопрос Христа «как читаешь?». О преподобном Симеоне Столпнике сказано, что он услышал на службе в храме заповеди блаженства. Они запали ему в душу, и Симеон, тогда еще мальчик, захотел познать их смысл. Нашелся человек, объяснивший будущему подвижнику слова Господни о духовной нищете, о кротости, о милости, о чистоте сердца. Вскоре Симеон бежал тайком из дома в поисках жизни трудной и непостижимой, ведущей человека от земли на небо. А другой пример связан с преподобным Антонием Великим. Однажды, еще в молодости, услышал он призыв Христа к богатому юноше (см. Мф. 19:21). Слова Спасителя будущий святой воспринял как обращенные лично к нему. Он отказался от всего своего имени и начал упраж-

няться в молитвах непрестанных и посте строжайшем.

– **Это можно назвать их ответом на тот же вопрос Христа «как читаешь»?**

– Совершенно верно. Причем, обратите внимание, вопрос «как читаешь?» не был задан ни одному из них напрямую, но ответили они на него одинаково. И что самое главное: все началось на богослужении в церкви.

– **Вы опять приводите в пример людей необыкновенных.**

– Ничуть. Они потом, спустя время, станут святыми. Пока же это самые обычные юноши.

– **Наверное, в них было заложено...**

– А заложено вообще в каждом. Вспомните в Евангелии от Иоанна (1:9): «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Это значит: всякий несет в себе образ Божий, как только в нем зародилась жизнь. Хочет он того или нет. А от того, как его в себе несет по жизни, зависит, оправдается или осудится он от слов своих. Пример подвижников должен вдохновлять, а мы зачастую просто хотим прикрыть свою нерадивость. Мы ведь то же самое Евангелие слышим и читаем. Почему оно не творит в нас такого переворота в мыслях? Почему не влечет любовными узами к жизни лучшей и чистейшей? Почему не воспламеняет сердца в ту же меру, что и у лучших сынов Церкви? Может, мы по-другому читаем Евангелие? Не как Книгу жизни, а как одну из книг, необходимых при богослужении? Может, мы не так слушаем Евангелие? Не как голос Пастыря, зовущего Своих овец? Может, мы не способны чувствовать великую силу Благовествования, и если да, то почему? Некоторые тексты мы поем, например те же самые заповеди блаженства, услышав которые, изменил свою жизнь преподобный Симеон Столпник. Но к словам примешивается мелодия, и она становится соперницей слову, поскольку красива и легко запоминается.

– **Сегодня церковное пение, по моему, вообще вызывает много вопросов.**

– Насчет «много» я бы не сказал. Есть один, все тот же вопрос – «как читаешь?». Со своим служебным от-

ношением к слову церковная музыка давно распрощалась. Она стала яркой, эффектной, многоголосой, временами – крикливой и страстной. Своими полуоперными раскатами она то и дело мешает понять, почувствовать и запомнить, что же, собственно, поется. Вещи смысловые и сущностные спрятались за стеной красоты.

– **Порой ощущение, что богослужение – это только молитвы, чтение Священного Писания, поучений, жития – словом, все, что не поется. А хор – своего рода музыкальные перебивки.**

– К сожалению, во многом вы правы. Церковный обряд, созданный для того, чтобы облегчить понимание Евангелия, при неправильном к нему нашем отношении способен, напротив, усложнить восприятие. Дайте человеку, говорил один из персонажей Лескова, «до Христа дочитать», и тогда его прежний образ жизни – теплохладный и вялотекущий – сделается невозможным. Дело не в том, чтобы все люди восходили на столпы или оставляли работу и семьи, устремляясь в места дикие и пустынные. Миллионам наших крещеных соотечественников надо сначала научиться «отдавать два рубля и ходить к обедне», чем уже не мог довольствоваться Алеша Карамазов. Для миллионов наших крещеных соотечественников это уже представляет из себя подвиг подлинный и для многих весьма трудный.

– **Но есть православные, которые считают: я молюсь, и с меня будет. Выходит, они минимизируют, что ли, свое вероизъявление?**

– В советское время любили говорить: не надо обобщать. В нашем случае все, действительно, очень индивидуально. Молитва выше всякого размышления, и она есть высший плод трудящегося ума. Это такой плод такого ума, который вовлекает все существо человека в единый процесс молитвенного горения. Тот, кто знает по опыту огонь молитвы, ценит огонь мысли, ибо это похожие огни. Но лентяи и не молятся, и не думают. Они носят угрюмые маски и повторяют в акафистах: «Радуйся, радуйся». Они интуитивно боятся, что, однажды позволив себе мыслить, додумаются до вещей неприличных и парадоксальных.

– **А разве такое исключено?**

– Да, риск есть. Но родиться – тоже риск. Гораздо спокойнее остаться зародышем и спать в темноте утробы, а лучше – вовсе не начинаться. Отсутствие дисциплины ума и пренебрежение к умному труду есть наш родовый грех, похожий на добровольное проклятие. И толком выбраться из исторических тупиков мы не можем именно из-за пренебрежения к главному достоинству человека – способности честно мыслить. Подчеркну – способности, а не умения, ибо умением еще нужно овладеть. Оттого и ищут люди болото погуще да потеплее, чтобы улечься в него, как хрестоматийный бегемот, и высунуть на поверхность две сопящие ноздри и два лениво моргающих глаза. И если есть бытовое болото, то отчетливо не быть болоту религиозному? Оно тоже есть.

– **Религиозное болото – это аллегория, метафора?**

– Увы, реальность. Это – отсутствие размышления над Откровением, отсутствие живой рефлексии на слово Божие плюс пугливая ненависть к тем, кто с тобой не согласен. Эту ненависть легче всего нарядить в благочестивый сарафан «охранения традиций». Но все – до поры до времени. Человек, честно думающий и находящийся за пределами Церкви, к Церкви придет. А человек, находящийся внутри Церкви и ни о чем не думающий, от Церкви уйдет. Вот вопрос «...как читаешь?», прозвучавший из уст Христа, – это метафора.

– **Я понимаю вас. Это все равно что спросить: «Как живешь? С Богом или без Него?». И потому его можно задать любому и всегда.**

– Совершенно верно.

– **Но может ли быть, что человек сам не отдает себе отчет, с Богом он или без Него? Он носит крест, ходит в церковь, даже причащается, все, казалось бы, при нем, а живет не по Христу.**

– Река Иордан известна во всем мире, хотя и не очень велика – всего 252 километра. На своем пути она впадает в два больших озера-моря: Галилейское и Мертвое. Первое – многоименито. Это – озеро Геннисаретское, или море Тивериадское, которое упоминается в Евангелии. Евреи называют его Кинерет. Его берега

покрыты буйной растительностью, а воды богаты рыбой. А дальше, вытекая из Кинерета и пройдя еще сто километров, Иордан впадает в Мертвое море. В нем нет не то что рыбы, а даже моллюсков и водорослей. Это место считается самой низкой частью земли. Словно сходя к аду, Мертвое море хранит на своем дне то, что осталось от Содома и Гоморры. Иордан из Мертвого моря никуда не вытекает, то есть оно принимает, но ничего не отдает. Если человек живет по такому принципу, можно ли сказать, что даже при всей внешней благопристойности он живет по Богу?

– **Звучит как притча. И – как притча – поучительно.**

– Это универсальный закон. Если глаз принимает свет, но не посылает импульс в мозг, человек ничего не видит. Если желудок принимает пищу, но не переваривает ее, не отдает энергию всему организму, человек болеет и мучается. То, что справедливо для организма отдельного человека, справедливо и для общества. Согласитесь: все, что у нас есть, не совсем наше. Много, хорошее и плохое, мы получили по наследству. Это касается талантов, способностей и склонностей, из которых одни подобны благословию, а другие – наказанию. Самодостаточен только Бог. Все остальные, включая людей и ангелов, зависимы. И это тоже ответ на вопрос Иисуса Христа «как читаешь?».

– **Неверный управитель из евангельской притчи (Лк. 16:5–8), видимо, знал, как отвечать. Понимая, что все принадлежит Богу и не ему распоряжаться чужим, он самочинно уменьшил должникам их долги господину. По нашим понятиям, выглядит странно, но хозяин похвалил его за разумность: «...ибо сыны века сего догадливей сынов света в своем роде».**

– Эта притча одна из самых сложных, и есть много толкований ее. Она вполне могла бы стать предметом отдельного обсуждения. То, о чем говорите вы, укладывается в русло нашей беседы.

– **Надеюсь, это касается других сюжетов и мыслей тоже.**

– Думаю, да. Храни вас Господь.

– **Благодарю.**

Быть здоровым – дело Божеское

Мens sana in corpore sano, в здоровом теле – здоровый дух. Это крылатое выражение известно даже тем, кто не знаком с латынью. Но известно – еще не значит, что толкуется, как того требует оригинал. Римский поэт Децим Юний Ювенал, живший на заре христианства, вряд ли согласился бы с такой интерпретацией. В неусеченном виде строка из Сатир X звучит так: «Надо молить богов, чтобы дух здоровый был в теле здоровом». То есть здоровый дух приходит свыше (простим автору языческое многобожие), а здоровое тело – еще не гарантия его присутствия. И хотя «Дух дышит, где хочет...» (Ин. 3:8), это не отменяет главного: человеку необходима гармония духа и плоти. Однако даже православные люди нередко ее нарушают. Казалось бы, они знают, как верить. Почему так происходит? С этим вопросом я пришел к Владимиру Анатольевичу Соболеву, руководителю Центра экореабилитации здоровья «Живоносный источник» и известному, как он сам себя называет, земскому доктору.

Павел Демидов

– Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) считает, что здоровье – это не мышечная масса, не нормально функционирующие органы, а дух, душа и тело в совокупности. Эта триада, если хотите – троица, живет в нем самом и уже тем самым подтверждает правильность его вывода: Святитель – практикующий хирург, ученый и архиерей в одном лице. Есть люди, читающие Священное Писание, которые все сводят к духовным практикам – посещению храма, молитвам, постам и прочей аскезе. Думаю, они односторонне толкуют эти тексты. Например, известную библейскую заповедь «Не убий» я понимаю и как призыв не убивать себя – наркотиками, алкоголем, экологией, изнурительной работой, дурным питанием.

– Часто православные подчеркнуто пренебрежительно относятся к своему здоровью. Объясняют так: «На все воля Божия». Но когда Бог сотворил человека, он создал не калеку, а здоровое существо. Разве воля Божия не в том, чтобы человек оставался здоровым?

– Бесспорно. Но сегодня физически здоровых людей практически нет. Возможно, какая-то доля, но это, как говорят в математике, исчезающе малая величина. А вот не ощущающих себя больными я встречал, и немало. И надо сказать, это были преимущественно православные. У меня был духовный наставник, отец Вячеслав. С ним прямо в алтаре случился геморрагический инсульт. образо-

валась огромная гематома в черепе. Оперировать нельзя из-за сахарного диабета. Перспектива – смерть или, в лучшем случае, инвалидность. Так что лечение только консервативное. Но это был священник, человек, свято верующий в то, что Господь его не оставит. И при выписке у него не было отмечено никаких особо существенных неврологических нарушений. Это уже из сферы духа. Мне рассказывали про одного афонского монаха. Когда он скончался, братия стали его отпевать. А он вдруг открыл глаза и произнес: «Я не успел причаститься! Какой же я монах после этого?!». Ему принесли Святые Дары, он встал, совершил таинство Причастия и только после этого отошел ко Господу. Возможно, это и апокриф, но я вполне допускаю такое.

– Я тоже. Насколько я знаю, для вас приоритетные больные – это православные. Вы давно взаимодействуете с Церковью?

– Как христианин – можно сказать, с детства. У меня всегда было ощущение, что я с верой в Бога родился. А как врач... Даже не задумывался.

– Я убежден, что зерно веры заложено в каждом. Потому что каждый – Богов сын или дочь, то есть Божия тварь. Просто у одного зерно прорастает, а у другого – нет. У одного оно всходит еще в раннем детстве, а потом лишь ветвится и укрепляется. А у другого – хорошо, если успеешь покаяться и причаститься перед смертью. Я не очень

люблю слово *православный* в качестве прилагательного-определения. Вера не может прилагаться. Она должна быть сущностью. Поэтому не хочу называть вас православным врачом...

– Я понял, о чем вы. В православной специализации, назовем это так, я с того времени, как было легализовано у нас частное предпринимательство. Из тридцати лет служения в медицине половину я проработал врачом художественного лица, где у меня двести с лишним детей. И все время мечтал о самостоятельности и о том, чтобы потрудиться во славу Божию. И Господь меня призвал.

– Как это?

– Прогуливаюсь по Якиманке и захожу в храм Иоанна Воина. Немного помолился, поставил свечи, посмотрел книги, служба как раз заканчивалась. При входе вижу: сидит мужчина. Непроизвольно отметил: патология позвоночника и нижних конечностей. И пожалел, что мог бы помочь, а негде. Это сейчас у меня клиника, но сколько я шел к ней!.. Не проходит двух или трех месяцев, как поступает предложение от того самого художественного лица поработать у них врачом. Условия прекрасные: кабинет, спорткомплекс, бассейн, прекрасные классы и так далее. И мы, с Божией помощью, организовали там медицинский центр. И стали лечить и детей, и взрослых. И детский церебральный паралич, и остеопороз, и патологии позвоночника... Кто только у нас ни лечился!.. Даже французские дипломаты.

– **Вы из верующей семьи?**

– Да. Особенно все связано с моей бабушкой.

– **Что бы мы без них делали!..**

– Моя жизнь точно была бы другой. Мне не было еще двух месяцев, когда мама привезла меня к бабушке. Деревня Покровцы, на Урале. Бабушка сказала: непорядок, что мальчик не крещен. А поскольку церкви тогда были закрыты, самое хрущевское время, она меня сама и окрестила. В бане. Мама рассказывала. Жил себе я спокойно, как все советские люди, а когда повзрослел, стал сомневаться: правильно ли я был крещен? Поговорил с батюшкой, и он мне посоветовал: раз тебя это смущает, прими таинство Крещения по полной форме, благо теперь это не проблема. Владимирского храма я тогда в Москве не нашел. Позвонил другу в Киев. И 28 июля, в день святого благоверного князя Владимира, во Владимирском соборе в городе Киеве принял таинство Святого Крещения.

– **А до этого вы хоть какой-то церковной жизнью жили? Ходили в храм, исполняли домашнее молитвенное правило, читали Священное Писание?**

– Конечно. С Библией у меня тоже много связано. Летом меня обычно отправляли к бабушке. Она уже плохо видела, и я ей читал вслух Священное Писание. А до этого она мне читала Библию на ночь. Представляете?! Не про Красную Шапочку и Серого Волка или про Колобка, а про то, что «в начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...».

– **«...И Дух Божий носился над водою». Книга Бытия.**

– Несмыслимая картинка моего детства. Я лежу на печи, у нас все было, как в настоящей избе, а бабушка сидит возле меня и читает по памяти главы из Ветхого Завета...

– **Прямо хрестоматийная картинка! Сейчас такого, пожалуй, не встретишь.**

– Когда я начал читать Ветхий Завет уже сам, взрослым, вдруг стал обнаруживать, что встречаются знакомые места. Как будто я это уже где-то читал раньше.

– **Все бабушка. Ей надо сказать спасибо.**

– Я и говорю. Если бы не она, не знаю, когда и как узнал бы о Священном Писании. Это теперь духовной литературы – океан! Не то что тогда...

– **А что повлияло на ваш выбор профессии? Медики в роду есть?**

– У меня в роду несколько поколений целителей. Раньше их называли знахарями.

– **К сожалению, сейчас это умение серьезно скомпрометировано. Как многое в сегодняшней жизни.**

– Когда за дело берется профан, а не специалист, добра не жди. Ведь знахарь одного корня со словом *знать*. Знахарь – это знающий прежде всего. А нынешние так называемые целители, врачеватели, шаманы, добрые ведьмы – люди, как правило, не знающие или знающие очень поверхностно дело, которым занимаются. Они специалисты в другом.

– **В шарлатанстве.**

– Совершенно верно. И хороший результат у них получается именно там, где они специалисты.

– **Но люди ждут от них другого.**

– И зря. Как не получить от козла молока, так не дожидаться от шарлатана исцеления. У него хорошо получается обманывать. Это вы от него и получаете. Моя бабушка знала очень много трав. И была, как бы тогда сказали, хорошим костоправом, а теперь – мануальным терапевтом. Я себя тоже и называю, и чувствую костоправом. Ее рабочим местом была баня. Она распаривала человека, а потом правила косточки, позвоночник, суставы – кто в чем нуждался. Принимала роды. Мало того: поворачивала плод у беременной. А это такое искусство! Сейчас этим занимается целая наука, масса изысканий, исследований, рекомендаций...

– **И стоит, наверное, неслабо.**

– Да уж. А тогда это была народная медицина, то есть опыт и традиции. Был случай, когда бабушка лошади вывих вправила. Во время войны у них на весь колхоз была всего одна лошадь. Это была вся тягловая сила в колхозе. А дед как раз был председателем колхоза. Петр Фомич. И представляете, животина попадает задней ногой в какую-то канаву. Трагедия! Бабушка велит повалить лошадь набок, а ей принести оглоблю. Оглоблю привязали к вывихнутой ноге, и ба-

бушка начала потихоньку этой оглоблей, как рычагом, поворачивать ногу. И вправила сустав. Лошадь поднялась и пошла себе как ни в чем не бывало. Вот что такое настоящее костоправство.

– **Но бабушка ваша вряд ли нагружала себя проблемами, которые, в частности, мы сейчас обсуждаем.**

– Да что вы! Она просто жила по Христу, служила Христу, и Господь не оставлял ее Своими заботами. Из мира ушла простота. Многие из того, что прежде было естественным содержанием жизни, либо вымылось новыми реалиями, либо стало считаться мало-значительным и ненужным. Казалось бы, яснее ясного говорит апостол Павел в Первом послании Коринфянам (3:17): «Если кто разрушит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а этот храм – вы». Когда еще было заповедано Господом следить за своим телом, как за храмом! Многие люди даже не понимают, что это такое. И никакие паломнические поездки, никакие акафисты и молитвы не помогут. Да знай на память хоть всю Библию! – но если ты пренебрегаешь своим здоровьем, считая, что главное – это душа, а тело только помеха, то не можешь называться христианином в полном смысле этого слова. Не поддерживать здоровье – значит не поддерживать свое духовное состояние, ибо ему просто негде будет размещаться. О каком хранилище бессмертной души можно говорить?

– **А вообще, что такое здоровье как понятие?**

– Расскажу вам случай, а формулировка сама родится. Была у меня пациенткой одна монахиня. Пришла на прием еле живая, и то по совету священника. Она так напостилась, что у нее из организма вымылся большой процент кальция. Стали крошиться зубы, появился остеопороз, переломы один за другим. Когда я объяснил ей, что главный поставщик кальция в организм – молочные продукты, она говорит: я уже много лет так питаюсь. Кому нужны такие подвиги? Физическое состояние разрушилось – духовное покочнулось. Ошибочно думать, что уделять время своему здоровью – это отвлекаться от веры. От веры можно отвлекаться и

находясь в храме, и под епитрахилью, когда вас разрешают от грехов после исповеди. Господь не только не осудит вас за занятия спортом, за участие в соревнованиях, за то, что вы стараетесь есть полезную пищу. Я знаю по своему личному профессиональному опыту, что Он не только не порицает, но поощряет таких людей. Просто и в этих своих занятиях нужно и меру соблюдать, и руководствоваться благи-ми, благородными целями, а не делать из своего здоровья источник личного обогащения и не претендовать на свою исключительность.

– Вы имеете в виду профессиональный спорт?

– Те его формы, которые он принимает сегодня. Профессиональный спорт стал бизнесом, в котором задействованы огромные деньги. Как ни парадоксально, их можно сопоставить с деньгами, которые приносит наркобизнес, занятие прямо противоположное спорту. Сегодня в профессиональном спорте главная фигура – не спортсмен, а его хозяин с армией антрепренеров, агентов и прочей челяди. Они вертят спортсменом как хотят, пичкают его допингами, подвергают непосильным нагрузкам и, выжав из него все, выбрасывают на обочину жизни.

– Будем справедливы: успешный спортсмен тоже не обделен разнообразными приятностями. Одни гонорары чего стоят!

– Человек слаб. Ему трудно устоять перед соблазнами мира сего. Особенно, если эти соблазны так велики. Его к тому же постоянно провоцируют. Сулят славу, деньги, прочие блага.

– Это, кстати, имеет место не только в спорте. Взять тот же так называемый шоу-бизнес.

– Это происходит всюду, где ставка делается на человеческие страсти, особенно такие, как славолубие, сребролюбие. Можно и от тараканьих бегов или от петушиных боев получить похожий результат.

– Но есть разница. В тараканьих бегах интерес есть только у обслуживающего этих тараканов персонала и у публики. Самых тараканов победа или поражение мало волнуют.

– Согласен. Это страсти в самом извращенном и обнаженном виде. В спорте задействованы интересы всех. Равно

как в уже упомянутом шоу-бизнесе. Здесь все прикрито фиговым листком. В одном случае – спортивной эстетикой, в другом – притягательной силой искусства. А, как говорится, в сухом остатке все это – служение тяжкому духовному пороку.

– А монахиня та прислушалась к вашему совету?

– Прислушалась. И удивилась, насколько все оказалось просто: достаточно было подойти с умом, с рассуждением, и все встало на свои места.

– Усердие не по разуму.

– Скорее, разум не по усердию.

– Вот и формулировка. Скажите, вам не приходилось наблюдать такое: одни, укрепляясь в вере, становятся требовательнее к себе во всем без исключения, а другие подходят к этому выборочно. Допустим, пост в среду и в пятницу. Так ли, мол, важно его соблюдать?

– Замечал. Назвать ли это крайностями?.. Человек, занимающийся физическим трудом, нуждается в более эффективном питании, чем какой-нибудь клерк. Было бы глупо ограничивать шахтера в калорийной пище.

– Это очевидно. Я говорю о ситуациях безусловных. Либо человек сам выражает произволение, либо на него воздействует окружение.

– Такие крайности имеют место. Сам был свидетелем того, как один верующий укорял другого: «Великий пост, а ты съел шоколадную конфетку, а в ней животный жир!».

– Конфетка, понятно, пустяк. Но разве были серьезные основания ее съесть? Обострение гастрита от голода, внезапная слабость? Нет, всего лишь хотение. Пост же не для того, чтобы отказаться от конфеты, а чтобы смирить себя. Разве не так?

– Конечно, так! Хорошо, когда есть духовник, с которым можешь посоветоваться, который знает тебя, твоё здоровье и знает, что тебе полезно, а что во вред. Вот он тебя и благословит на пост. А если все самому решать, можно до такого дойти...

– А как быть тем, у кого нет духовника?

– Есть книги. Есть советы старцев. Читай. Ищи. А разве кто-то мешает просто подойти к батюшке в храме и побеседовать? Есть специальные дни

дежурств у каждого священника. Многие почему-то думают, что поговорить можно только на исповеди. Именно тогда это не следует делать. За тобой стоят в очереди люди, батюшка уже выслушал не один десяток исповедей, надо и о нем подумать: сколько еще ему стоять. Это и есть эгоизм – считать свои проблемы самыми главными, а остальные могут и подождать. Это вообще очень сложный вопрос – как сочетать канонические требования с современными реалиями? Ведь все, весь уклад нынешней жизни направлен на то, чтобы нарушать эти требования. Ничего нет зазорного в том, чтобы перед началом поста посоветоваться с врачом. Потом можно идти к священнику и сказать ему, что рекомендовал врач.

– Здесь все же приоритет отдается медицине: сначала врач, а потом священник.

– Земский врач в этом отношении идеальная фигура. Он уже сам наполовину священник. А многие и принимали сан. Между земским врачом и пациентом устанавливаются неформальные отношения, и только от него можно порой услышать рекомендации, которые в официальной обстановке вряд ли прозвучат. Например, сало. Больному диабетом достаточно съесть кусочек сала, и угроза приступа уходит.

– Значит, православных можно утешить: занимаясь своим здоровьем, они не удаляются от Бога. Как раз приближаются к Нему, так?

– И никак не иначе! Главное – верующий ты человек или неверующий. Я знал одного банкира. Так он счет потерял своим операциям по пересадке почек. А бабушка в деревне не знала даже близко такую медицину. Но она была здоровее того банкира. Она особо не нарушала заповеди – в этом секрет. Не переходила границы допустимого.

– Наверное, это и есть самое важное – не сваливаться в крайность, идти царским путем. Чтобы и дух, и тело находились в состоянии гармоничного внимания со стороны человека.

– Тогда – вперед?

– И Бог в помощь.

Фото Вадима Рутковского

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><u>Священник Игорь Сильченко</u> настоятель Покровской церкви с. Рыбачье (Крым) руководитель паломнической службы «Фавор»</p>	<p><u>Наталья Николаевна Власова</u> пенсионерка, тележурналист г. Бердск, Новосибирская область</p>	<p><u>Елена Цивцивадзе</u> директор паломнической службы «Любовь Православия»</p>
<p>Вы согласны с утверждением древних римлян: «В здоровом теле – здоровый дух»? Если нет, то что в нем нужно поменять?</p>	 <p>Я с этим не совсем согласен. Тело сохранять надо, оно дано нам Богом, чтобы мы совершали добрые дела. Но все-таки лучше заботиться об укреплении своей души благодатью, исповедью, причастием.</p>	 <p>С точки зрения православного человека, их надо поменять местами. Я знаю людей со здоровым телом, но с большим отношением к окружающему миру, поэтому это уже не здоровый дух.</p>	 <p>Я считаю, это не совсем правильно. Бывает, что тело нездоровое, а дух еще больше здоров, чем в каком-то здоровом теле. Нет, дух важнее, он руководит всем, в том числе и телом.</p>
<p>Если все от Бога, то и болезни тоже. Лечить их – значит сопротивляться воле Божией, так?</p>	<p>Нет, не так. Если мы лечимся, то тоже идем в русло воли Божьей, но болезнь терпим, сколько надо поболеть, столько болеем. Я думаю, что лечиться надо, и это не сопротивление воле Божией.</p>	<p>Бог учит нас правильно жить, а мы просто не выполняем Его заповедей, нарушаем их постоянно. Отсюда и болезни. Как раз дисбаланс, дисгармония внутри человека порождает заболевания.</p>	<p>Да, я тоже так считаю, что болезни лечить не надо. Я, например, не хожу к докторам, хотя они и посланы от Бога. Если Господь послал болезнь, то этому нужно радоваться.</p>
<p>Вы согласны, что православные улыбаются реже, чем неверующие, что они менее приветливы и контактны? Почему?</p>	<p>Если верующий редко улыбается, значит, он сопротивляется страстям, которые на него нападают, ему не до улыбки. А улыбается – значит, страсти от него отошли. А неверующий не страдает от страстей.</p>	<p>Православные больше улыбаются и более контактны, они более открыты миру, людям, стараются помочь. Живут радостнее, потому что знают, что будут жить вечно. А неверующие лишены этого знания.</p>	<p>Православные, наоборот, улыбаются больше, потому что они радуются жизни, потому что у них Господь внутри живет. Православных вообще видно издалека: у них счастье всегда на лице.</p>
<p>Лично в вашей жизни вера расширила или сузила круг общения?</p>	<p>Сперва сузила, а потом расширила необыкновенно. Так бывает всегда: узкими вратами войдя в духовную жизнь, обретаешь там свободу необыкновенную и гораздо большую, чем оставил.</p>	<p>Расширила однозначно, но из моего круга ушли люди, которые мне перестали быть близкими по духу. Они сами ушли, я никого не гнала, просто им стало со мной некомфортно.</p>	<p>С какой-то стороны сузила, а с какой-то – расширила. Тут это понятие неоднозначно. Я приобрела много других друзей, которые ближе мне по духу, но стала более избирательно к ним относиться.</p>
<p>Чем можно оскорбить ваше религиозное чувство и как в таком случае вы предпочли бы поступить?</p>	<p>Если хулят веру православную, Иисуса Христа. Я предпочел бы помолиться и вразумительно ответить человеку, но без гнева. Или уйти. Но не всегда так получается: и гнев может быть.</p>	<p>Я оскорбляюсь, когда оскорбляют моего Бога. Все остальное меня как-то не очень задевает. Я буду пытаться людей убедить. Если они не реагируют, становятся агрессивными, я просто отхожу в сторону.</p>	<p>Конечно, мне обидно, когда хулят Бога моего, но это не та обида, которая была раньше, когда у меня не было Бога в душе, в голове, в сердце. Никак бы я не поступила – бисер метать не стала бы перед свиньями.</p>

<p><u>Валерий</u> 51 год электрик, пономарь г. Краснодар</p>	<p><u>Наталья</u> 33 года гувернантка</p>	<p><u>Татьяна Вениаминовна Якуба</u> 67 лет пенсионерка г. Архангельск</p>	<p><u>Ирина</u> 32 года домохозяйка</p>
			<p>фотографироваться отказалась</p>
<p>Менять ничего не нужно, просто считаю, что где-то есть понятие, которое соответствует римскому, а где-то есть евангельское: «Тело немощно, дух бодр».</p>	<p>И да и нет, зависит от человека. Болезни больше способствуют духовному росту. Но я считаю, что и в здоровом теле может быть здоровый дух. Если человек держит в голове главное и второстепенное.</p>	<p>Если без болезней, наверное, скучно бы было жить. Болезни нужны. Когда ты болеешь, это учит смирению. Когда выздоровел, радуешься победе над недугом.</p>	<p>Я думаю, что нет, потому что Бог в немощах проявляет Себя. Поэтому часто здоровое тело пробуждает гордыню, и здоровый дух там пропадает, хотя со здоровым духом тело меняется, становится выносливее.</p>
<p>Нет, не так. Господь Сам лечил: брение на глаза положил. И врачей нам дал: святитель Лука (Войно-Ясенецкий), Косма и Дамиан. Лечиться надо, чтобы силы были молитвы и творить Божью волю.</p>	<p>Важно не впадать в фанатизм. Бог дал нам жизнь, чтобы мы могли соблюдать настроение, здоровье и прилагать к этому максимум усилий, а также молитв. Если не получается, то – смиряться.</p>	<p>Нет, я не согласна сопротивляться воле Божией. Это как раз проверка идет: по силе того, как терпишь, проверяется твоя вера в Бога, надежда на Него.</p>	<p>Болезни от Бога, но и врачи тоже от Бога, поэтому лечиться надо.</p>
<p>Нет. Просто православные меньше хохочут по-пустому и вовсе не менее контактны, чем неверующие. Этот вопрос подходит более для мирских людей, не знающих жизнь православных.</p>	<p>То, что они грустные, – это неправильно. А улыбаются? Может быть, они более серьезные. Мне кажется, зависит от человека: улыбчивый – не улыбчивый, веселый – не веселый. Так же, я думаю, и у православных.</p>	<p>Я не согласна, что православные улыбаются реже. Мне кажется, наоборот, у православных столько улыбок... В монастырях монашки какие улыбающиеся все.</p>	<p>Я считаю, что православные улыбаются, но не хохочут бессмысленно. Приветливые, но у каждого, наверное, свое понимание приветливости, потому что можно всем улыбаться, но быть далеко от приветливости.</p>
<p>Сузила. От кого-то я сам ушел, кто-то сам отошел, но общение стало более качественным.</p>	<p>В моей жизни расширило. Все старые друзья остались, прибавились новые.</p>	<p>Расширила мой круг общения. От меня ушли все, у кого Бог призывается все, празднословие и пустословие ушло. Помнялся круг друзей, и появились новые интересы.</p>	<p>Тут нельзя сказать однозначно. Лишние люди уходят, а нужные люди появляются. Меняется образ жизни, и меняются люди.</p>
<p>Но защищать нужно. Я лично этого не умею. Надо уметь и быть спокойным, чтобы что-то доказать. Я не умею, слишком эмоциональный для этого, если начинаю спорить – толку мало.</p>	<p>То, что православные чувствуют себя оскорбленными, я не очень-то разделяю. С богухульниками я не встречалась. Обычно люди что-то делают по незнанию, по непониманию, меня это не оскорбляет.</p>	<p>Ничем. Я могу только посочувствовать человеку, что он не в той же вере. Шаг в сторону, и просто ухожу.</p>	<p>Православный человек очень скромный, он не будет идти в открытую на конфликт и не будет показывать свою принадлежность к вере, не будет этим кичиться. Оскорбляется не вера, а гордыня.</p>

Начальник всех русских монахов

Игумен Герасим и братья провожают преподобного Антония на Русь
Худ. В.И. Нестеренко

У преподобного Антония Киево-Печерского можно встретить несколько упоминаний благословения Святой Афонской Горы и старца-игумена, постригшего его. Этим он подчеркивает преемственную связь со Святым Афоном, от которого благодать перешла на Печерский монастырь, а через него – вместе с конкретным иноческим опытом – на все русское монашество.

Однако принято считать, что вся деятельность преподобного Антония заключалась лишь в преподавании благословения и копании пещер, а все прочее, и к тому же основное, – заслуга преподобного Феодосия. Основная причина недоразумения в том, что отсутствует непосредственный первоисточник – житие преподобного Антония, а сведения, дошедшие до нас, весьма разрозненны. Нельзя исключить и недостаточное глубокое исследование того, что сохранилось, и игнорирование особенностей афонского монашества той

* Автор – настоятель Киевского подворья русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

пору, традиций подвижничества, влияния Святой Горы на формирование духовности православных народов.

Так в чем же действительно заключалась миссия преподобного Антония; какой образ монашеского жития принес он на Русь; существует ли пещера на Святой Горе, которую можно было бы идентифицировать как место подвига Преподобного на Афоне; какая святогорская обитель из множества монастырей, существовавших на Афоне, могла бы быть связующим звеном благодатной преемственности Святой Руси от Святой Горы и кто был тем старцем-игуменом, который постриг преподобного Антония и чьим благо-

словием запечатлено все русское монашество?

В 30–40-х годах XIX века возникла так называемая эсфигменская версия афонского периода жизни преподобного Антония Печерского: якобы он был подвижником и постриженником этой обители. В доказательство предъявляется и пещера, в которой он безмолвствовал. В дореволюционной России к идее отнеслись настороженно и критически: гипотеза явно молода и бездоказательна, грешит хронологическими неточностями и противоречиями. Например, если верить датам пребывания святого Антония в Эсфигмене, то при закладке Успенского собора Печерского монастыря в 1073 году, где присутствовал Преподобный, ему должно было быть не менее 116–120 лет (!). Попытки эсфигменитов согласовать житие с авторитетными источниками, в частности с русскими, лишь усугубляли недоразумения. Нынешняя редакция – в ней фигурирует новая дата пострига – еще одно тому подтверждение.

Побывавшие на Афоне выдающиеся церковные историки и археологи, такие как архимандрит Антонин (Капустин)¹,

¹ Архим. Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 293–296.

В 2016 году Православие отмечает поистине замечательное событие – исполняется 1000 лет постоянного пребывания русских монахов на Святой Горе Афон. Десять веков... 365000 дней... И ни одного из них – без Божественной литургии, без молитв к Господу нашему Иисусу Христу, без благодарности Ему, «показавшему нам Свет».

Наш журнал предполагает посвятить этому юбилею ряд публикаций под рубрикой «1000 лет Русского Афона».

Древняя русская лавра Пресвятой Богородицы Ксилургу. В XIX веке фотографировали еще на стеклянные пластинки – дагерротипы

архимандрит Леонид (Ковелин), епископ Порфирий (Успенский)², профессор МДА Евгений Голубинский, независимо друг от друга пришли к выводу, что ни эсфигменское жизнеописание, ни пещера Святого не являются истинными.³

Греческая версия о месте пострига и первоначального подвига преподобного Антония вызывает недоумение и у русских монахов Афона. В частности, заведующий библиотекой и составитель книги актов Пантелеимонова монастыря⁴ монах Азарий (Попцов) критикует манипуляции с именем игумена, постригшего святого Антония: на сей раз тот хоть и по-прежнему Феоктист, но уже почему-то *Второй*.

Позиция Пантелеимонова монастыря объясняется тем, что в русской обители бытовало самостоятельное предание, согласно которому преподобный Антоний принял постриг и приобщился к школе святогорского монашества в древней русской обители на Афоне. Одним из свидетельств этого можно считать икону Собора всех преподобных отцов, в Горе

² Еп. Порфирий (Успенский). Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году. Киев, 1877. Ч. 2, отд. 1, с. 244.

³ Рыбаков Д. Преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Непрочитанные страницы истории Древней Руси. К., Издательский Отдел УПЦ, 2011. С. 16.

⁴ Составление книги актов Пантелеимонова монастыря о. Азарий осуществил при участии архимандрита Антонина (Капустина), который также считал эсфигменскую версию фикцией (см. также с. 17–18).

Афонской просиявших, написанную в 1859 году в молдавском скиту Продром. Там все святые изображены возле обителей, где они подвизались. Так вот: образ преподобного Антония присутствует около русского монастыря.

Теперь о пещере на горе Самария, где по эсфигменской легенде подвизался преподобный Антоний. Почему о ней никто не знал до 30-х годов XIX века? Ни Барский, посетивший этот монастырь и поднимавшийся на Самарию в 1744 году, ни игумен обители Феодорит (1804–1805), несомненно, хорошо знакомый с историей Самарии и ее окрестностями, даже не упоминают об этом нередовом факте. Посетивший Самарийскую гору в 1846 году Порфирий Успенский свидетельствует, что в то время в этом месте не было ни пещеры, ни келлии под ней. Все это, как и «церковь преподобного Антония», появилось в 1849 году.

Есть еще довод, который интересен тем, что относится не к разряду прямых исторических фактов, а к категории логических построений. Что сообщает ему особую, нетривиальную пикантность. На Святой Горе, где достаточно расселин, практически все пещеры естественного происхождения, реже – выложены руками из камня или пристроены к скале. И служили местом уединения, как правило, одного подвижника. Киевские же пещеры, в том числе и преподобного Антония, вырыты в земле и представляют собой систему коридоров с келлиями, где может обитать целое

братство. Будь эсфигменская легенда не фикцией, афонский опыт пещерножительства Преподобный наверняка перенес бы на киевскую землю.

Нет ни одного факта, ни одного предания, которые связывали бы Самарию с именем преподобного Антония. Из сказанного отнюдь не следует, что Антоний Эсфигменский не существовал как реальная личность. Несомненно, он действительно подвизался в Эсфигмене и был там пострижен в 975 году, на чем настаивает легенда; возможно также, что и жил где-то в уединении на Самарийской горе – уделе эсфигменских отшельников, но этот подвижник не имеет никакого отношения к основателю русского монашества – преподобному Антонию Киево-Печерскому. И тогда возникает новый вопрос: с чем в таком случае связана афонская судьба первоначальника всех русских монахов?

Несколькими абзацами выше имя Преподобного увязывалось с русской обителью на Святой Горе. Среди русских святогорцев существовало предание, что преподобный Антоний подвизался и принял монашеский постриг именно в русской обители Пресвятой Богородицы Ксилургу, носившей в XI–XII веках почетный титул лавры⁵. Собор сохранился до настоящего времени и является одним из древнейших русских храмов. У его престола, по преданию, и принял постриг первоначальник русского монашества, основатель школы афонского подвижничества на Руси преподобный Антоний Киево-Печерский. Отсюда перенес он благословение Святой Горы на русскую землю, связав Святую Русь и Святой Афон узами благодатной преемственности. Примечательно, что и собор Киево-Печерской лавры, основанной Преподобным, также посвящен Успению.

Антониева лавра стала первым монастырем Руси не только по букве и названию, но по существу и духу. Общежительное устройство Киево-Печерской обители основывалось на трех столпах, без которых в принципе не может существовать монашеское общежитие: богодуховенное старчество, взаимное послушание, братское единомыслие. Киево-

⁵ В книге «Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона» (Киев: Типография КПЛ, 1873. С. 21) в Акте № 3 от 1048 г. цитируется царский питтакион Константина IX Мономаха: «Царству моему донесли монахи Лавры Ксилургийской...».

Печерская лавра стала первой иноческой школой Руси, воспитавшей не единицы, а целые сонмы преподобных и святителей и ставшей образцом для создания целой сети подобных ей монастырей.

Но вернемся на Святую Гору, к преподобному Антонию. Предание русских святогорцев косвенно подтверждается общеафонским преданием. Напомним: на уже упоминавшейся нами иконе Всех преподобных Афонских, написанной в молдавском скиту Продром, святой Антоний изображается как подвижник Руссика, а не Эсфигмена. Возможно, в наше время всеобщих поспешений, облегченного подхода к достоверности суждений и изображений данный факт может показаться малоубедительным. Но образ сей – не дитя новодела, ему за полтора века, что само по себе уже знак качества.

У противников русского предания имелся аргумент, непреодолимый до поры: долгое время не было известно ни одного документа, который бы подтверждал существование на Афоне русского монастыря в 10-х годах XI века (то есть когда там подвизался преподобный Антоний). Но в 1932 году в архивах Великой Лавры был обнаружен Акт с автографом русского игумена, датированный 1016 годом. Эта находка и позволила возвести историю русской обители к началу первого тысячелетия.

В Акте среди подписей прочих игуменов на 13-м месте стоит автограф, который в русском переводе гласит: «Герасим монах, милостию Божией пресвитер и игумен обители Роса (или народа Рос), свидетельствуя, собственноручно подписал»⁶. В ту пору русский народ и его страна обозначались в греческом языке несклоняемым именем собственным «Рос» (Ῥῶς), в первый раз упомянутым в документе патриарха Константинопольского Фотия в 867 году. «Никак нельзя усомниться в том, – пишет профессор А. Тахиас, – что здесь перед нами находится свидетельство о существовании русского монастыря на Святой Горе».⁷ Таким образом, начиная с X века русское иночество обрело на Афоне свое постоянное пристанище и стало полноценным субъектом в монашеском государстве, как грузины (Иверон) и болгары (Зограф).⁸

Присутствие собора Успения Пресвятой Богородицы обители Ксилургу ощущается всякий раз, когда русские монахи-афониты переселяются в новые места. Они приносят образ Пресвятой Девы не только в своих душах и сердцах, но и вполне зримо: черты Богородичного храма со Святой Горы угадываются

⁶ «Γεράσιμος μονάχος ἐλέη Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ηἰουμένος μονῆς τοῦ Ῥῶς μαρτύρων ὑλέγραψα ἰδιοχείρως».

⁷ А. Тахиас. Цитированное сочинение.

⁸ Соловьев А.В. История Русского монашества на Афоне. Белград, 1932. С. 141.

в создаваемых ими церквях. Так было при переселении в Нагорный Руссик. Так случилось и при основании Прибрежного русского монастыря. Если под этим углом посмотреть на собор Киево-Печерской лавры, мы увидим повторение афонского опыта. С постепенным перемещением центра русской цивилизации на северо-восток во всех главных административных и духовных центрах Руси воспроизводился облик собора Киево-Печерской лавры. Например, в виде точных или увеличенных копий – в Ростове, Владимире, Москве. Отчего же именно Успенский собор первой русской лавры на Афоне не мог быть первообразом Успенского собора Киево-Печерской обители, а следовательно, и всех Успенских соборов Руси?

Нам очень ценен этот собор первой русской обители на Афоне. Ценен со всех точек зрения – как с сакральной, так и с исторической. Промысл Божий избрал этот храм быть связующим звеном Святой Руси и Святой Горы. В нем зажглась первая русская лампада на Святой Горе, чтобы нести духовное просвещение своему Отечеству; у престола этого собора принял постриг будущий основатель русского монашества преподобный Антоний Печерский, который принял и перенес на Русскую Землю благословение Святой Горы и таким образом навеки соединил Русь и Русский Афон узлами духовной благодатной преемственности.

На Святой Горе Афон двадцать монастырей. Один – Свято-Пантелеимонов – русский, один – Зограф – болгарский и один – Хиландар – сербский. Остальные семнадцать – греческие, среди них – Эсфигмен. История монашеской республики, как, впрочем, любая история, – это всегда череда событий, то постепенных, то неожиданно взрывных, редко радостных, чаще драматических, а то и трагичных. Судьба Эсфигмена – отнюдь не исключение в этом ряду.

Официально обитель получила свой статус в X веке, но фактически возникла значительно раньше. Ее дважды уничтожали пираты, но всякий раз с Божией помощью и трудами братии монастырь возобновлялся. Убеденность, стойкость, мужество всегда были отличительными чертами всех поколений эсфигменитов, словно эти качества передавались им генетически. В 1821 году монахи обители отказались выдать турецкому губернатору Афона предводителя повстанцев, боровшихся за неза-

Вид на монастырь Эсфигмен от «пещеры преподобного Антония»

висимость Греции. А когда спустя почти полтора века братья заподозрили Константинопольского патриарха в измене Православию, они перестали почитать его в своих молитвах. Не уступали ни уговорам, ни насилию. Вывесили над входом черный транспарант со словами «Православие или смерть».

Мятежный монастырь продолжает свою линию. Время от времени власти пытаются его образумить. Среди братии теперь нет единодушия. Но Эсфигмен по традиции по-прежнему считается цитаделью зилотов¹. Так называют монахов – приверженцев аскетичного образа жизни и традиционализма в исповедании православия.

¹ Симон Зилот, один из 12 апостолов, был сыном Иосифа Обручника, то есть по плоти братом Господа. Именно в его доме в Кане Галилейской Иисус претворил воду в вино. Увидев чудо, Симон уверовал во Христа и последовал за Ним. Его стали звать зилотом, ревнителем.

Эдуард Пасютин

МОЛЯТ СВЯТЫЕ ЗА НАС

*Блаженной Матроне
Московской посвящая*

Учитесь сердцем прощать.
Обидам закройте щели.
Учитесь сердцем прощать
Не только в прощенный час.
Нет выше добра,
Чем наше добро прощенья.
Слава Тому, слава Тому,
Кто грешных прощает нас!
Молят святые за нас.

Любовью спасемся мы.
Светит во тьме маяком нам.
Любовью спасемся мы –
Урок преподал нам Спас.
Бог – это Любовь.
Я припадаю к иконам.
Слава Тому, слава Тому,
Кто падших спасает нас!
Молят святые за нас.

На днях я узнал, что прославленная и почитаемая в народе святая Матрона Московская семь лет – с 1942 по 1949 – жила в доме № 30 по нашему Староконюшенному переулку, на Арбате. Этот красивый,

украшенный резьбой, старинный двухэтажный деревянный особняк (ныне не сохранился, но я его помню) находился за чугунной оградой почти напротив, чуть наискосок, нашего дома № 39, где прошло мое детство, юность и молодость.

И при своей подвижнической земной жизни, и сейчас святая чудотворица Матрона Московская исцеляет людей и помогает всем, кто молитвенно с верой обращается к ней. («Все приходите ко мне, я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам. Всем помогу и всех услышу».)

Матронушка – так обычно обращаются к ней почти все. Такое ласковое и нежное обращение к святому случается крайне редко и показывает отношение простых людей.

Узнанное определило и мое особое отношение к московской старице и чудотворице. Она стала для меня «своей».

Я попросил дочь Женю приобрести для меня и привезти мне на дачу иконку Матроны Московской. Перед сном я впервые помолился святой Матроне. А ночью во сне услышал чудесную, благодатную мелодию. Утром мелодия продолжала звучать во мне. Я воспринял это как добрый знак от Матроны. Не умея записать мелодию, я, чтобы хоть как-то запомнить, спешно стал писать слова на нее...

Вот такая история. Впрочем, это всего лишь начало новой истории в моей жизни, у нее должно быть продолжение, на которое я очень надеюсь и в которое очень верю. Верю и надеюсь...

Церковь Одигитрии в Вязьме

Вяземский монастырь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи был основан преподобным Герасимом Болдинским в 1542 году. До этого на месте монастыря был лишь густой ольховый лес, через который протекала речка Бебря.

Монастырь постепенно рос и приобретал известность. В 1566 году обитель посетил царь Иоанн IV Грозный. В конце XVI века благотворительные вклады в монастырь делал Борис Годунов, имевший в Вязьме свой дом, а в окрестностях – обширные земли. В XVII столетии на территории обители возводится соборный трехшатровый храм во имя Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии (он изображен на обложке этого номера) – замечательный памятник русского зодчества, созданный московскими мастерами, чьи имена нам, к сожалению, неизвестны.

Сегодня в России всего три церкви с тремя каменными шатрами, поставленными в ряд: Успенская Дивная в Угличе, Рождества Богородицы в Путинках в Москве и вяземская Одигитрия. Выдающийся реставратор Петр Барановский считал, что по изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже храм Василия Блаженного.

Историк архитектуры Марина Вдовиченко пишет: «Цельный, оригинальный архитектурный образ, созданный в вяземском храме Одигитрии, никогда не был повторен. Его пропорциональный строй с исключительно гармоничным соотношением четверика, приделов, горки кокошников и шатров и запоминающимся силуэтом остается уникальным явлением... Эта церковь, возведенная в

крохотном, разоренном войной бедном провинциальном монастыре, оказывается чуть ли не самым блестящим шатровым памятником... архитектуры времени царя Алексея Михайловича».

Здесь необходимо пояснение, какую войну имел в виду автор. Речь идет о конфликте между Польшей и Россией за контроль над западными русскими землями. Военное противостояние длилось с 1654 по 1667 год, без малого тринадцать лет. 30 января 1667 года в деревне Андрусово под Смоленском было заключено русско-польское перемирие. К России перешли Смоленская и Черниговская земли и Левобережная Украина, а Запорожье было объявлено находящимся под совместным русско-польским протекторатом. Киев был объявлен временным владением России, но по «вечному миру» 16 мая 1686 года перешел к ней окончательно. Взамен Киева русские уступили полякам несколько небольших пограничных городов в Белоруссии.

Сооружение Одигитрии в Вязьме пришлось именно на этот беспокойный период нашей истории, так что чудо-храму досталось, как говорят, по полной. И еще три с лишним века простоял он почти не ведая заботы.

Работы по восстановлению церкви в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии в вяземском Иоанно-Предтеченском монастыре начались весной 1999 года. 6 октября 2012 года в обители состоялось долгожданное и очень радостное событие – освящение главного престола. Чин освящения совершил епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов).

Храм Параскевы Пятницы на Пятницкой

С высоты Кремлевского холма хорошо видно Замоскворечье. Во второй половине XIX века его украсила нарядная и всегда оживленная Пятницкая улица. Тогда эта часть Москвы превратилась в благополучный купеческий, деловой район, а улица стала его нервом и выглядела по-столичному бойкой и людной. Своими магазинами, блинными, булочными, закулочными, ресторанами она вполне могла потягаться с нынешней Пятницкой.

Церковь Параскевы Пятницы стояла на этом месте

Замоскворецкие купцы славились достатком и оборотистостью. Уверен: оттого были они удачливы в делах, что почитали святую великомученицу Параскеву Пятницу, считавшуюся на Руси покровительницей торговли. Именно по пятницам в городах и богатых селах Российской империи устраивались торги и ярмарки. И всякий раз на этих шумных торжищах в самом почетном месте устанавливалась икона святой Параскевы. Пусть не подумает читатель, что святая почиталась только из делового интереса. Замоскворецкие купцы были крепки верой отцов, завещавшей жить по совести, в согласии с Законом Божиим и негласным кодексом чести российского предпринимателя. Потому и появилась в самом сердце Замоскворечья церковь, давшая название самой приметной и яркой из его улиц.

Храм Параскевы Пятницы на Пятницкой улице был построен в 1744 году стараниями купцов Журавлевых на месте старой церкви, той же Параскевы Пятницы, впервые упоминаемой без малого

двумя веками раньше. Архивы сохранили документ: 11 февраля 1739 года приходской священник Никита Вуколов, диакон Артемон Иванов и прихожане – директор Григорий Замятин, купцы Роман и Гавриил Журавлевы, Михаил Петров, Иаков Михайлов подали в Московскую контору Синода челобитье: «Приходская наша каменная церковь с приделом ветха, в которой бывает сквозь сводов теча и за тою ветхостью служить невозможно, а ныне мы желаем, оную церковь разобрав, построить вновь каменную, то же наименование». В возведении храма участвовал выдающийся русский зодчий Дмитрий Васильевич Ухтомский, многолетний главный архитектор Москвы. Путеводитель 1833 года описывал ее так: «И в сей храм невозможно войти, не почувствовав благоговения, внушаемого не одним святым местом, но также величием архитектуры и внутренним благолепием храма».

Издавна и не без оснований считалось, что по молитвам святой сохраняется также семейное благополучие и

счастье. Во многих российских деревнях был обычай в день памяти Параскевы Пятницы (28 октября/10 ноября) устраивать крестные ходы, молебны, праздничные застолья. А именинниц в этот день было очень много, поскольку почти в каждой многодетной семье одна из девочек носила имя Прасковья (ласково – Парашенька, Пашенька, Параска).

Что ни говорите, но имя не дается случайно. Вот и в людях, нареченных Параскевой, можно найти черты, сходные с той, кому поклоняются православные люди. Например, целомудренная и решительная княжна Параскева Трубецкая прилюдно дала пощечину светлейшему князю Григорию Потемкину, осмелившемуся ее поцеловать. В 1804 году первой из русских женщин она совершила полет на воздушном шаре, и это тоже говорит о многом. Имя это было в чести на Руси и у простых людей, и у представителей знатного рода.

Мы можем только догадываться, сколько прихожан собирали в церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой ули-

це воскресные литургии и праздничные службы. Всякий раз, гуляя по Замоскворечью, я представляю себе картину, как под звон колоколов из храма выходят с просветленными лицами люди. В толпе прихожан много женщин – от юных отроковиц до древних старушек. Их головы украшают узорчатые платки, элегантные шляпки и нарядные чепчики...

Одно время старостой храма был известный строительный подрядчик Петр Иванович Губонин. Он пожертвовал немалые деньги на ремонт церкви. Выходец из крепостного сословия, он стал одним из самых успешных промышленников второй половины XIX столетия. Родился Петр Губонин в 1825 году в деревне Борисово Коломенского уезда Московской губернии. Получив разрешение помещика, в семнадцать лет подался в Москву работать по найму у своего родственника Яковлева. Вскоре стал у него приказчиком. В 1848 году Петр получил в наследство от Яковлева инструменты и несколько подрядов на выполнение каменных работ, а через десять лет сумел собрать деньги для своего выкупа и получил вольную.

Весьма значительная часть доходов Петра Ивановича ежегодно шла в помощь бедным. Губонин опекал детские дома, приюты, общины сестер милосердия. Открывал больницы, детские сады, школы, училища и институты, один из них – знаменитый ныне технический университет имени Баумана. Вот такой удивительный человек был старостой храма Параскевы Пятницы на Пятницкой улице. Дом, в котором он жил неподалеку, сохранился до наших дней – Климентовский переулочек, 1.

Церковным старостой П.И. Губонин отслужил 27 лет. Он умер 30 сентября 1894 года, сидя в кресле в своем замоскворецком доме. По завещанию тело перевезли в Крым, где у него было обширное имение в Гурзуфе. 16 октября 1894 года в храме Успения Пресвятой Богородицы, построенном по инициативе и на средства Петра Ивановича, отец Иоанн Кронштадтский отслужил Божественную литургию, а затем панихиду по новопреставленному хозяину курорта. Губонин был погребен в подальтарном склепе церкви.

Валентина Неаполитанская, дочь настоятеля храма Параскевы Пятницы на Пятницкой улице отца Сергия Фрязинова, в своих воспоминаниях поведала о том, что происходило здесь в советское время. Удивителен ее рассказ о том, как батюшка взял на сохранение

плащаницу Божьей Матери у монахинь Крестовоздвиженского монастыря: «Жили мы в пяти минутах ходьбы от церкви, на Большой Татарской улице, в доме № 14. Плащаницу поставили в нишу буфета, между верхним и нижним его отделениями... Время было страшное. В Поволжье начался голод. Распространялся слух, что большевики собираются отбирать у церкви все ценные предметы церковного обихода. Узнав об этих бедах, отец отправился в исполком Замоскворецкого района и подал туда два заявления. Первое – о том, что он просит все ценности не отбирать, а оставить церкви священные сосуды, т. е. чаши и ложечки для причастия, взамен чего он обязуется возместить государству их стоимость путем сбора средств у прихожан. В те годы это было реально. Верующих было много, а отец пользовался любовью и уважением. Однако большевики и сборы приняли, и ценности все отобрали, предварительно арестовав отца... Второе заявление было просьбой – разрешить открыть при церкви Параскевы Пятницы приют на шесть ребятишек из голодающих мест. Это – разрешили!

<...> Около часу ночи у входной двери раздался резкий звонок. Отец сразу встал и молча пошел отпирать дверь.

Великомученица Параскева жила в городе Икония в Малой Азии в III веке при императоре Диоклетиане, который известен как яркий гонитель христиан. Ее христианские родители рано оставили дитя сиротой. Девушка продолжала жить по заповедям Господа, не скупясь помогала нуждающимся из своего небольшого наследства. Когда рука карателя дошла до нее, Параскева не отказалась от Иисуса даже под жестокими пытками. Такой она и приняла мученическую смерть.

Через несколько минут папа вернулся в сопровождении человека в черной кожаной куртке, с наганом у пояса и двух солдат, в руках которых были ружья со штыками. Начался обыск. Солдаты переворачивали мебель. Согнали нас с наших постелей и стали протыкать их штыками. Принесли ключи от буфета, солдаты перерыли все его ящики. Ко чергой ворошили пепел в “буржуйке”... Обыск кончился около пяти часов утра. Папа получил ничего не значащий акт и получил предписание утром, к девяти часам, прийти самому на Лубянку с вещами. После их ухода мы, измученные и опустошенные, сидели на наших кроватях. И вдруг – сейчас уже не помню, кто из нас, возможно, что и я, бросил взгляд на белевшую на буфете белую простыню с плащаницей и отчаянно ахнул, показывая на нее пальцем.

Икона св. великомученицы Параскевы на Пятницкой, д. 6

Мы в ужасе оцепенели. Казалось, что вот сейчас они вернуться и будет что-то ужасное! Они не вернулись. Они ее не увидели!..

В 1934 году храм был разрушен. Через девять лет на его месте появилась «шайба» станции метро «Новокузнецкая». А несколько лет назад в одном из прилежащих дворов стихийно возник уголок почитания Великомученицы. Верующие прикрепили к кирпичной стене икону святой Параскевы и установили стенд с рассказом об истории храма. У иконы появилась лампада, зажигают свечи, а священники из храма Воскресения Христова в Кадашах время от времени служат молебны. Вокруг идет строительство, но люди не позволили убрать икону и продолжают регулярно навещать это место.

К сему: ваш Архивариус

Дарья Данилова

Жизнь души в остывающем мире

О православной поэзии вообще и о стихах Алексея Ивановича Ушакова в частности

Среди литературоведов православная поэзия часто ассоциируется со стихами любительскими, то есть не слишком высокого уровня, «просто от души». В них могут то и дело упоминаться Бог с ангелами, высказываться философские мысли, могут даже пробуждаться «чувства добрые», но написано это чаще всего наобум – с неточными рифмами, заимствованными интонациями, штампами, ляпами.

Такие тексты создаются без уважения к вековой традиции русского стиха, словно нашей великой литературы не было в помине. А уж когда человек уверенно заявляет, что он православный поэт, то жди беды, точнее – чего-нибудь сентиментально-приторного и малограмотного. Разумеется, никто не вправе осуждать людей, пишущих от чистого сердца, – каждый славит Бога как умеет, однако следует помнить, что, сколько бы ни грешил против поэзии обыкновенный графоман, он отвечает за одного себя, его творчество – его личное дело, а поэт, пишущий плохие религиозные стихи, пусть даже искренне, профанирует не только поэзию, но и религию, апологетом которой он выступает.

Не хочется приводить примеры таких стихов и тем обижать авторов, но, думаю, читатели прекрасно знают, о чем речь.

С другой стороны, религиозность с самой глубокой древности была естественна для поэзии как мировой, так и русской, она питала ее и возвышала. Даже в языческую пору народ древней Руси постоянно обращался к божествам «поэтически» – образно и иносказательно, и следы этих обращений замечаются в некоторых народных песнях, сказках, быличках, есть они и в «Слове о полку Игореве». В шестнадцатом и семнадцатом веках почти все искусство на Руси было так или иначе связано с христианством. Нелишним для нашей темы будет напомнить, что русский литературный язык развивался в переводах богослужебных книг, то есть можно сказать, что начало нашей высокой словесности было православным. Становясь постепенно все более светской, литература нуждалась и в разговорном, повседневном языке и постоянно подпитывалась разговорной речью. Все мы еще со школы знаем, как огромна заслуга наших классиков, в первую очередь

Пушкина, но, конечно, не только его, в создании литературного языка. Каждый значительный писатель вносил свою лепту в русскую словесность, обогащая ее. Разумеется, были и постоянные заимствования, какие-то из инородных слов оставались, какие-то, погостив в нашем языке некоторое время, исчезали без следа. Литература поднималась, словно дерево, все дальше от своих религиозных и народных корней и разрасталась. Арсений Тарковский говорил о себе: «Я ветвь меньшая от ствола России...». Русская поэзия теперь как огромный дуб, у которого есть сильные ветки, есть молодые и гибкие, есть и сухие, – те сами отламываются со временем. Но древний импульс сакральности, идущий от корня нашего литературного языка, чувствуется в лучших русских стихах, даже если они далеки от религии.

Почти у всех наших классиков есть стихотворения с отчетливой христианской темой: у кого-то их больше (Державин, Тютчев, Бунин), у кого-то – одно-два. В первую очередь почти всегда приходят на ум: ода «Бог» Державина, «Отцы-пустынники и жены непорочны» Пушкина или «Ангел» Лермонтова. Но все-таки религиозность поэзии – это нечто неуловимое, и вовсе не обязательно постоянно упоминать Христа в стихах, чтобы Божия благодать почивала на них. Дух дышит где хочет, как известно, и к поэзии это применимо тоже. Не мы с нашими понятиями о добре и зле выбираем достойного носителя таланта, но Бог. «На холмах Грузии лежит ночная мгла» – эти стихи обращены к женщине, но в нескольких совершенных по форме строках заключена вся радость и вся светлая грусть души в Божьем мире, а слова о любви земной вдруг превращаются в великую формулу любви вообще, живущей в каждом: «...И сердце вновь горит и любит – оттого, // Что не

любить оно не может». Любое великое стихотворение – это еще одно напоминание нашему дольному миру о вечной гармонии и безмерной красоте горнего. О чем бы ни писали классики, они всегда серьезно относились к форме, не допускали небрежности, невнятицы. Хорошее вино должно храниться в умело и с любовью созданном сосуде – и тогда время не будет властно над ним. Классики могли ошибаться в чем угодно, но они любили своих предшественников, чувствовали себя преемниками традиции и истории, и даже завзятые авангардисты принимали во внимание законы русского стихосложения и если нарушали их – то осознанно, понимая, что и как они нарушают. То, что молодому поэту кажется простым *любовь – кровь*, – не так уж просто: в одном контексте рифмовать *любовь с кровью* будет банальностью, а в другом – это вполне допустимо и в наши дни.

Современная жизнь стерильна, но в то же время погребена под информационным мусором. Она не дает человеку опомниться и подыскать нужное слово для выражения чувства, и многие поэты влились в этот мусорный поток. Вовсе

Дарья Данилова. Научный сотрудник музея Л.Н.Толстого, автор рассказов, рецензий, эссе и литературоведческих статей в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Октябрь» и др. В «Лампаде» раньше не печаталась.

не обязательно для обогащения языка выдумывать очередные *мокроступы*, искусственно расширяя словарь. Зачем? Все в языке есть, есть даже больше, чем нужно поэту. Конечно, новояз легче: он нетребователен. Быстрее размешать растворимый кофе, чем ждать и следить, как в турке поднимается пенка натурального. Вот и выходит: пить можно, но аромат-то не настоящий и почти не бодрит! Что же говорить о языке! Слова не берутся из пустоты, они – плоды истории, религии, быта, они требуют внимания к себе. Конечно, при большом таланте можно срифмовать даже *тренд* и *бренд*. Пушкин умел щегольнуть иностранным словечком в шуточной строке, но точно так же он умел оживить и старое. Дело тут, разумеется, в чувстве меры, в поэтическом чутье, которое у способных людей с течением жизни развивается подобно музыкальному слуху. То же относится и к читателям. Известно, что юноши и девушки любят Маяковского и Цветаеву за некоторый надрыв, за яркость образов и смелость, а в зрелости начинаешь ценить и понимать сложного и глубокого Баратынского, чувствовать незаметные прежде нюансы у Фета, вдруг начинают волновать казавшиеся в юности «слишком простыми» поздний Заболоцкий и Рубцов, поражаешься умению Ходасевича сдержанно и мастерски передать самые сильные эмоции, влюбляешься в предельно искреннего, но при этом удивительно гармоничного Тарковского. Есть стихи для юношей, а есть стихи, для понимания которых душа должна развиться и повзрослеть. И дело тут не в сложности или простоте. Пушкин прост, но до этой гениальной простоты тоже необходимо дорастает.

Но перейдем, наконец, к нашему герою. Родился Алексей Иванович Ушаков в 1957 году в Выборге. Учился на биофаке МГУ. С 1980 года работал в Центральном государственном архиве литературы и искусства, а с 1990-х – стал чтецом в храме Казанской иконы Божией Матери в Коломенском. Глубокий знаток церковнославянского языка, он и в стихах постоянно использует церковнославянизмы, архаизмы, не чурается и ярких диалектных слов, и весь этот ценный плодородный слой языка, зажатый гранитом и асфальтом словесного прогресса, в поэзии Алексея Ушакова очищается, оживает, на-

Алексей Иванович Ушаков

чинает дышать. Современные поэты жалуются на «усталость рифмы», будто уже ничего невозможно срифмовать не повторяя за кем-то, и начинают писать совсем без рифм или изошряются, создавая странные, неестественные рифмоиды.

Алексей Ушаков, напротив, в каждом стихотворении удивляет новыми созвучиями, образами, музыкальностью. Профессионализм поэта растет из любви к языку – к его живой жизни. Ушаков изучает «детство» русского языка, чтобы лучше понять его. Нередко эксперименты со старинными словами у поэтов выливаются лишь в стилизацию. Правда, у мастеров эта игра в подражание может быть умной, глубокой, остроумной, но Ушаков не ставит такой задачи: он не играет в поэзию – он живет ею. Церковнославянизмы, отсылки к Евангелию, к Псалтири – все это не ради украшения. Для церковного человека священная история извечно длится параллельно нашей повседневной жизни. Вот почему так неприятно слышать во время проповеди некоторых священников модные словечки, мертвые заимствования вроде *позитива* или *негатива*. Зачем священнику *позитив*, если есть намоленное поколениями наших предков слово *радость*? «Радуйся, обрадованная...».

Словарь Алексея Ушакова богат, и тут читателю нужно быть готовым к чему-то совсем новому в поэзии (а точнее – хорошо забытому старому). В эти

стихиходишь, как в лес, а мы отвыкли от леса – мы его боимся. Нам лень запоминать названия трав и деревьев, мы страшимся непредсказуемого. Но внимательному взгляду этот поэтический лес возрад сторицей.

У Алексея Ушакова есть стихи-вопросы, стихи, на все лады воспевающие Божий мир, стихи, примиряющие с судьбой, стихи-молитвы. О себе и вообще о людях Ушаков, как правило, говорит косвенно, иносказательно. В этом слышится отзвук древнерусской и народной поэзии. В его ранних стихах любимая женщина часто оборачивалась цаплей, а сам он – журавлем; чувства и мысли выражались через описание бесконечного разнообразия Божиих творений. В этой небольшой подборке близкие друзья превращаются в острова Шалим и Еретик, а душа, тянущаяся к Началу Начал, становится ручьем, влекомым вечной тягой моря.

Русских поэтов всегда тянуло в солнечные края – они воспевали Кавказ, Италию. Алексей Ушаков последние годы подолгу живет на севере, в городе своего детства Мурманске. Там вместо синего неба Италии – полярная ночь, вместо гор Кавказа – валуны, мхи и холодное море, вместо бурной столичной жизни – осыпающиеся здания и разбитый асфальт. Нижеследующий цикл стихов может называться Мурманским циклом, но, где бы ни жил наш герой, основные темы его стихов остаются теми же: пути Господни и судьбы народов, Россия и ее история, жизнь души в остывающем, теряющем любовь мире, вечная борьба добра и зла и Божья благодать, разлитая во всем живом, – этот последний мотив особенно сильно чувствуется в мурманских стихах: скудная северная природа воспета негромко, спокойно, но с проникновенной нежностью.

Также хочется отметить, что, хотя Алексей Ушаков и не придерживается старой орфографии полностью, он не приемлет некоторых послереволюционных нововведений, в частности – заменяет приставку «бес» на «без» перед глухими согласными, всегда учитывает различие между «миром» и «міром», в некоторых случаях использует ижицу: «мвр» и проч. Но пора уже предоставить читателям самим судить об этой поэзии, которую без оговорок можно назвать православной.

Алексей Ушаков

ШАЛИМ И ЕРЕТИК

Два островка Шалим и Еретик
Попадали, но не пропали в море,
Один другого отмелью настиг,
Не пошатнулся в тайном уговоре.

То ощупью, то оглядью на миг
Соединяясь и теряясь вскоре,
И мы плывем в оледенелом горе,
Где горек всяк и к горечи навыв.

– Написано ли жить нам на веку? –
Плеснет волной Шалим Еретику.
– Как знать! – ответит Еретик Шалиму,

И премолчат, всяк на своем боку,
И окунутся в воду глубоко
Безразлично, как в любовь неутолиму.

РУЧЕЙ

Медля, как на муки крестные,
Утекают воды пресные
К водам сланным на поклон,
Меж прудами и колодцами,
То логами, то болотцами,
Точно пленники в полон.

Вот ручей, и силы мало в нем –
Быть бы увальнем и баловнем
Да поить звериный люд,
Но его с покорной влагою,
Тоже море тянет тягою,
Тоже вестники зовут.

Впереди дорога скудная –
То ли Волга многотрудная,
То ль студеная Двина,
А за ними долгожданная
Общая и безымянная
Пажить райская видна.

* * *

Лучись, мой первоцвет, цвети
На крайнем севере застылом!
Вокзал конечный – страх по жилам
Бежит, и дальше нет пути...

Но венчик твой, святых венец,
Расцветится короткой славой,
Ты встанешь плотью златоглавой –
И отодвинешь свой конец.

Цели простор, как Пантелей–
Целитель, мученик безвестный!
Светлее небо тучи тесной.
Земля смелее и целей

Бараков, пристаней, мостков...
Они глядят – их взгляд печален –
Как неживая мощь развалин
В живую немощь лепестков.

БЕЛУШЬЯ ГУБА

Тяжба да служба. Труд и судьба.
Белая выюга – Белушья Губа.

Не победить бы, но устоять,
Развоплотиться в лопь, в самоедь¹,

В зыбкую память серого льда,
В рваную скатерть, в жизнь без следа.

Спиртом нежарким тлеть в холоду,
В сахарном полудержавном аду.

С болью и славой в жизни цепной
Спать за дырявой, вечной стеной.

* * *

Пусть холод производит белизну
И вар дневной не согревает пашни,
Глазам по силам разглядеть весну
Зимой всегдашней.

И милость не во времени живет,
Но в стынущем просторе кровеносном
И на волос тепла передает
Холстам и кроснам².

Ни бабы ткнут, ни человецы зрят,
Ни бесы гнут то исподволь, то вкруте
Тот дивный жар, присноцветущий град
На перепутье.

Тектон и Ткач! каким еще трудам
Дозволишь Ты благопотребно длиться,
Дабы одеждам, стенам и садам
Перебелиться?

* * *

В грустном сумеречном марше
Запестрели сплошь
Бесы меньши, бесы старши,
Умножая ложь,

Сея козни и соблазны
По лицу земли,
Бесы грозны, бесы разны
Сети заплели.

Многоруки, многоглавы –
Но и в полцены
Муסיкийские составы³
Им не вручены.

¹ Лопь и самоедь – собирательные имена традиционных народов Севера лопарей (саамов) и самоедов (ненцев). Последние веками жили на Новой Земле, а с основанием там атомного полигона все до единого были выселены на материк.

² Кросно – это простенький крестьянский ткацкий стан, на котором ткнут холстину.

³ Муסיкийские составы суть собрания музыкальных орудий (инструментов), и здесь намек на неспособность бесов к творчеству и гармонии.

Гуд умолкнет многозвучный,
Вслед и комары
Утекут в свой тартар тучный,
В ночь, в тартарары.

TRECENTO

Благовидно, красно и по чину
Упражняется сердце земли:
Авиньонцы собрали крушину,
Генуэзцы рабов привезли.

Под сонетом последнюю точку
В утомлении ставит поэт
И торгует с судьбою в рассрочку
Люботрудный, взыскательный свет.

Но уже, небрегая причиной,
Сквозь кочевья, дворцы, терема
Молчаливою мордой сурчиной
На блюдящих взирает Чума

И летит молодым суховеем,
Человеческий лес шевеля,
Над Софией святой, Колизеем,
Над дубовою шкурой Кремля.

* * *

Царство белых ветвлений,
Недоступного глазу письма.
Пышут паром олени,
Хрусталем каменеет зима,
Спят владетели в норах,
А любовь убегаёт греха,
Самовластна, крепка и суха,
Как охотничий порох.

Стукнет оземь копытом
Коренник, напряжется спина,
И на льду грановитом
Запестреют судеб письма.
С белоснежных окружий
Упадут наслоения сна,
Как исторжется жар и война
Из начищенных ружей.

* * *

Умири нашу жизнь, умири,
Спасе мира, Небесная Славо!
Пусть на север летят снегири
И в рябинах снуют многолаво.

Пусть огонь пребывает сокрыт
В ветхой печке и холод не веет,
Пусть полуденный иней горит,
Снег ложится и не кровенеет.

Да молчит человеческий вой,
Да скудеет томительный гений,
А заснеженный лес, как живой,
Не скрывает земных песнопений.

Встань, по избам затепли огни,
Боже правый, разлейся по душам,
И до свету всех нас не казни
Коли сослепу что-то порушим.

CIVITA DI BAGNOREGIO

Воздух высушен вполне,
Свеж и духовит.
Город белый на холме
Как живой стоит.
Воин, пахарь и монах
Строили его,
А теперь в его стенах –
Никого.

Он манит издалека,
Но встречает льдом,
Богача и бедняка
Не пускает в дом,
А в домах скрипят ключи,
И замки туги,
И доселе горячи
Очаги.

Расточились мертвецы
По щелям земли.
Боже, в плоть их облецы,
Пустошь насели!
Дабы новые сыны
Вознялись на ней
Из тепла, из тишины,
Из камней.

ТВЕРДЬ

И пропасть глубока, и горы зелены,
И тонок пережной на целомудрых глыбах –
Всё взвешено дождём в повоях пелены,
Уравновешено, заштопано на сгибах.

Уткнись в неё лицом, за нитку потяни –
И что останется от спеси ясновидца?
Утонет в измороси мир, в полутени,
В верхке от пропасти невмочь
остановиться.

Лишь замыслы тверды, и костяной
Символ
Произрастает цвет, лаская гору-складень,
И отцветает так, как будто и не цвёл,
И напоят мрак что на века, что на день.

ЧЕШТИНА

Тихо тянется речка Орлица.
Нет бы выйти на бережок,
Перегляднуться, перемолвиться,
Чтобы сердце огонь не жёг,

Окунуться в омуты пенные
И подняться на свет со дна,
В допотопные, довоенные
Передвинуться времена.

Мышцы крепкие – луки медаы,
Зубы целы, глаза остры,
Волки сыты, овцы не съедены,
В чистом поле цыган шатры,
Но над праздниками счастливыми
Смоляная клубится тень
И с плачевными перебивами
Льётся песня в ненастный день.

Души, певчие проповедницы,
То ли встретятся за селом,
В лёгкой церкви, где на обеднице
Одиноким звенит псалом,
То ли Орлица только кажется,
Только лжица на языке,
И слепою рукой осяжется,
Точно облако вдалеке?..

МАКСИМ ГРЕК

В просвете между гор родится первый
луч,
И вот уж праздный мир и обогрет,
и вымыт:
Уходит солнца зрак, уклончив и текуч,
На краешек земли, в её последний климат.
Народы и цари не обременены
Стяжанием плотским – что города
и веси! –
Приходит к ним рассвет из мельничной
стены
Лучом проридчивым среди мучнистой
взвеси.

Так дымно на Руси, что горек брату брат
И жёны праздные смиренны, и смуглолицы,

И города, как лес, то тлеют, то горят,
Но не колеблются просторные темницы,
Где греченин Максим, от тесной стороны,
От пламенной горы пришедший в наши
долы,
Тресветлый видит Свет, цветные гонит
сны,
Скрывает до поры премудрые глаголы.

* * *

Гнездо баклана на вершине скальной
И птичий плач объёмлет тишина.
Пустынно море осенью печальной,
И наша память опустошена.

Что было тут до нашего прихода –
Не удержать ни камнем, ни водой.
Из рода в род безпечная природа
Всё молодеет плотью молодой,

А мы ветшаем, и забвенны сами –
На каменном пласте песчаный пласт –
И на вершине утлый дом с птенцами,
И ни один ни стога не издаст.

* * *

Земля – парное молоко,
А я бреду с разумной клячей,
И милый дом мой далеко,
И люблю мне во мгле незрячей.

Укрыт от гнева и стыда,
Плыву в тумане узкой тропкой.
Прочна в руке моей узда,
Остойчив конь на тверди топкой.

Я мал, я не умею жить,
С тягучей речью нету сладу.
Чужая сладость, былая прыть
Мне ни в подмогу, ни в досаду.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ К СВОИМ ИСТОКАМ – ЭТО ЗНАЧИТ ИДТИ ВПЕРЕД

В московском издательстве «Никея» вышла в свет книга Бориса Екимова «Возвращение. Рассказы о живой жизни». Это – событие: впервые произведение мастера современной отечественной прозы выпущено православным издательством. Писатель был и гостем нашего журнала: мы рассказывали о нем в рубрике «Страна слов» и напечатали один из его рассказов. Недавно «Новый мир» опубликовал роман Бориса Екимова «Осень в Задонье» – остро социальное, философское повествование о сегодняшней жизни, о взрослых и детях, о русских и чеченцах, о любви и верности, о родине.

Кто-то, прочитав «Возвращение», быть может, вернется от модного чтива и гламурных журналов к подлинной русской словесности. Кто-то станет чуть мудрее, кто-то укорит себя и сделается добрее. «Возвращение» – это возможность приклониться к дверному косяку отчего дома, припасть к своим истокам.

Простая формула счастья

Сколько их существует! – рецептов, советов, способов стать счастливым. И каждый вроде бы доступен и обещает «стопудовый успех», как, допустим, кремлевская таблетка или реклама зубной пасты. Почему же так живуче пушкинское «на свете счастья нет», если вроде бы вот оно, на расстоянии вытянутой руки? Фокус, наверное, в том, что советы дают, как правило, теоретики, то есть те, кто менее всего опытно сведущ в предмете. А практики... практики просто себе живут и просто счастливы.

Мне написал мой товарищ и коллега Алексей Исаев: «...а еще есть талантливая вышивальщица икон. Постараюсь узнать координаты и сообщу». Так через моего бескорыстного и добровольного помощника я познакомился с Ольгой Сергеевной Ивановой, действительно очень интересной и талантливой художницей, работающей с золотым иконным шитьем. Если быть точным, то я познакомился не столько с нею, сколько с ее мужем, который в нашем случае выступил, как теперь говорят, продюсером у своей жены. Мы вступили в переписку, я задавал ему вопросы, он отвечал, иногда подключалась и Ольга, но в основном имел дело с ним.

К чему так подробно? Иначе я бы не смог в полноте донести до читателей облик этой семьи. В том, как они рассказывали о себе – только уступая мой настойчивости, в том, как он бережно относился к ее времени, избавляя от излишней переписки, даже в самом характере ответов чувствовалось: я познакомился с истинно христианской семьей, где живут любовь и согласие, где скромность подлинна, где не выставляется напоказ верность избранному делу, где люди просто счастливы. И по мере того, как я узнавал их, мне все чаще приходили на ум слова оптинского старца преподобного Амвросия: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем – мое почтение». Вот, по сути, евангельское *единое на потребу*, чем и живут эти люди.

Бывает так. Человек словно увидит себя со стороны: свое состояние, обстоятельства, в коих находится, чувства, которые испытывает, и не вдруг ответит, если спросят, когда он стал таким. То, что он уже не прежний, – это точно, а вот как, когда, под влиянием чего случились перемены, – не сказать. Так, верно, бывает, если новое приходит постепенно, ненасильственно и, главное, отвечая душевному да и физическому строю человека. Так, верно, было и с Ольгой, тогда еще Макаровой (в девичестве), во всяком случае из всего хода вещей вытекает такое ощущение.

Родилась в семье художников реалистического толка. Отсюда, надо думать, сызмальства поселилась любовь к рисованию и естественному восприятию религиозной реальности. Хотя родители, надо отметить, особо церковными людьми не были. Бабушка Настя, правда, рассказывала внучке

Мастерица на все золотые руки

о вере и об Иисусе Христе, но глубоких следов в Олиной памяти это не оставило. А вот по сей день не потускнел рассказ бабушки о том, как провожала на войну мужа. По болезни сердца его от фронта отстранили, однако в ополчение все же пробился. И вот идут они к месту сбора, Анастасия Павловна и Александр Степанович. А навстречу незнакомая женщина в черном. «Дай, – говорит, – перекрещу тебя». И через шаг-другой исчезла, словно растворилась в воздухе. На завтра в церкви бабушка узнала женщину в лике Божией Матери на одной из икон. А дедушка закончил войну под Кёнигсбергом и вернулся неверным.

Примерная девочка в интеллигентной семье: класс фортепиано в музыкальной школе, кружок рисования при Доме пионеров, конкурсы, призовые места, художественная школа... Кого благодарить за «счастливое и радостное детство»? До 1953 года вопроса не было, все знали: «Спасибо товарищу Сталину». Но еще задолго до рождения Оли «земной бог» был разоблачен его же соратниками, а о Боге Небесном советские люди, и взрослые, и маленькие, почти ничего не знали, а потому не очень-то и хотели знать. Когда, например, все вместе гуляли в парке «Дружба», родители восхищались благовестом соседнего храма, но это были чувства творческих натур, не больше. Удивляться ли тому, что в одиннадцать лет Оля отказалась креститься: ведь она была образцовой пионеркой! (Ее привела в храм мачеха, Валентина Алексеевна, –

мама Оли умерла, когда девочке было восемь лет).

Только студенткой третьего курса (художественно-графический факультет пединститута) Ольга Макарова примет таинство Святого Крещения. И то не ведомая собственным, осознанным желанием, но поддавшись уговорам однокашников. Друзья приведут ее в храм святых апостолов Петра и Павла, что на Солдатской, рядом с институтом, и с того момента... А что «с того момента»? Лучше помолчать: на то оно и таинство; на то и «Дух дышит, где хочет...» (Ин. 3:8). Может, вспомнилось, как, четырехлетней, не отводила взгляда от лика Богородицы (у них соседом был скульптор), как потом копия барельефа появилась дома, на серванте, правда, никто Ей не молился. Или – как окопное солдатское счастье не однажды спасало деда от неминуемой гибели (то вроде бы случайно отошел от повозки, а туда вцепился снаряд, то чудом угадал тропку в лесу и избежал плена...). В общем, с того момента Господь словно взял Ольгу невидимой рукой Своею и повел. Не сказать, что это было лишь безвольное подчинение. Покорность воле Божией – да. Именно покорность, а не подчинение, ибо последнее – производное от сопротивления.

Кто ответит: человек приходит к вере или вера приходит к человеку? По мне, так ни то, ни другое. Раз человек создан Творцом по образу Его и подобию, в нем не может не быть веры, как теперь модно говорить, по определению. Можно представить, чтобы Бог был вне веры? Никак! Точно так же – и Его создание. Человек уже рождается с зерном веры в душе. А дальше – как в евангельской притче о сеятеле, который вышел сеять. Иное (зерно) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его; иное – на места каменистые и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние и погибло, а иное – на добрую землю и принесло плод (см. Мф. 13:4–9).

Именно такой – доброй – оказалась земля души, куда попало зерно Ольгиной веры. В десять лет его согревало тепло лампы, что горела перед иконами в дедушкиной избе. Годом позже она, как мы уже знаем, откажется принять крещение, но пионерский галстук все же не сможет перечеркнуть чувство благоговения и прежде неведомого страха, которое она испытала при виде трех святых ликов в красном углу – Спасителя, Божией Матери и святителя Николая. До того, когда зерно принесет плод во сто крат, или в шестьдесят, или хотя бы в тридцать, еще далеко, но она готовится к жатве, пусть даже пока не осознавая этого. Прислушалась к словам мачехи, когда та подвела ее к иконе преподобного Сергия: «Молись ему, это наш семейный покровитель». В Троице-

Сергиеву лавру, крестившись, потянулась сразу, обрела там духовного отца и уже под водительством опытного чернеца начала постигать премудрость Божию. По его совету стала читать духовную литературу: Игнатий Брянчанинов, Иоанн Кронштадтский, оптинские старцы, жития святых, Серафим Роуз... Не пропускала воскресные и праздничные службы.

...Уже зрима защита диплома. Но прежде его еще нужно написать, а еще прежде – выбрать тему. Можно прислушаться к совету, а можно определиться самой. Ольга предпочла второе. Я так и не смог получить внятного ответа, почему это был Соловецкий монастырь. Ну, раньше побывала там с друзьями; ну, северная природа; ну, обитель только начала возрождаться... Наверное, каждому знакомо такое: принимаешь решение, а потом начинаешь докапываться, почему поступил так, а не иначе. И подбираешь причину – как подгоняешь задачку под ответ в конце учебника. Но сам-то знаешь: дело в другом. А в чем?.. Ладно, оставим.

Дипломная работа выпускницы Ольги Макаровой – gobелен «Соловецкий монастырь» – вызвала у приемной комиссии споры. Одним показалось избыточным цветное решение, другим – количество крестов (к слову: в советские времена при сдаче кинофильмов специальный редактор считал, сколько раз появляются на экране церковные купола)... Но в итоге работу приняли и даже высоко оценили.

Наверное, многим знакомо состояние, когда вдруг отмечаешь, что твоя ревность по Боге сменяется *теплохладностью* в отношении к церковной жизни. Ты становишься *ни холоден, ни горяч*. В Откровении Иоанна Богослова ясно сказано, чего ждать такому от Господа (3:16). Но то – крайний

случай. Чаще же это носит характер своего рода церковной апатии, к тому же временной. Вспоминается паломническая поездка в Святую землю на теплоходе «Дмитрий Шостакович»¹. Мы отплыли из Одессы (тогда она еще была великим городом в Советском Союзе). С нами много батюшек, и в пути почти все они давали как бы открытый урок: беседовали с нами, отвечали на вопросы, произносили проповеди... Живо обсуждалась и эта проблема – о теплохладности в вере. Самой распространенной причиной большинства называло *усердие не по разуму* – присущее неопытному слишком самозабвенное, не по силам, погружение в веру. Апатия приходит не сразу, поскольку эмоциональный потенциал еще достаточно велик. Но ясно, что так не может быть бесконечно, и, когда наступает тот самый этап, верующего охватывают растерянность и уныние: «Как же так? Я уже столько лет с Богом!...». Как не вспомнить совета старцев – не браться за то, что не по силам, ко всему подходить с трезвым разумением.

Ольга, похоже, этой опасности избежала. Сознательно ли, следуя ли совету или по наитию – сказать трудно, скорее, пожалуй, последнее. Но выбор своего царского пути у Ольги точно совпал с наставлением самого апостола Петра: «...покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание...» (2 Пет. 1:5–6). Казалось бы,

что примечательного в простом перечислении занятий после получения диплома? Но это как посмотреть. Продолжала работать в школе-интернате для слабослышащих детей (художник-оформитель); там же занималась живописью; в специализированной школе преподавала историю искусств; пела на клиросе в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Москве... Но все это постепенно, шаг за шагом, соразмеряя желания и возможности. Например, когда стало трудно и петь, и рисовать, оставила клирос. Зерно веры проклюнулось, дало первые ростки, органично сплетаясь с любимым делом, и вот они растут уже вместе, не заглашая, но помогая друг другу.

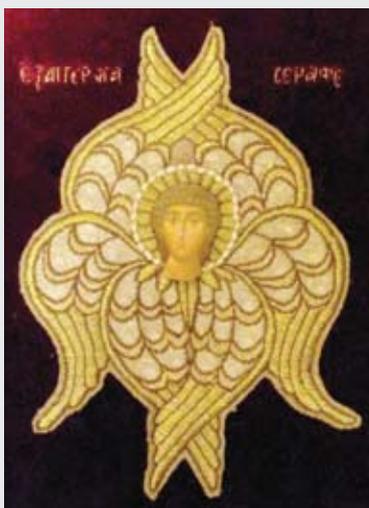
В художественных мастерских Софрина она еще занимается эскизами для вышивки на церковные облачения, эскизами самих облачений и их вышивкой. Ольга словно нащупывает подходы к тому главному делу, которым теперь только и занимается. Вышивка икон в древнем стиле. Лицевое и золотное шитье. Своя мастерская. Творческая свобода. Несколько лет назад игумения Никольского женского монастыря Михаила предложила выполнить для обители как раз ту самую работу, к которой она тянулась всем своим существом. Так Ольга сделала, по сути, главный шаг на своем царском пути. Им она следует и сегодня. Помогите ей Господь.

Павел Демидов

¹ Это примечание вроде бы не имеет прямого касательства к теме. Но лишь на первый взгляд. Несколько лет назад у успешного одесского предпринимателя Григория Манько умер сын-подросток, и с тех пор он занялся церковной благотворительностью. Наша поездка состоялась только благодаря этому человеку. Он оплатил фрахт судна, аренду автобусов, питание... Путевка стоила мирянам сущие копейки, а священникам – и вовсе ничего. И это был не первый такой рейс, правда, как оказалось, последний. Где-то он теперь, что с ним, с его семьей? Храни их Господь.

На Русь лицевое шитье, как и другие виды церковного искусства, пришло вместе с христианством из Византии.

У шитья меньше художественных возможностей, чем у иконописи. Например, сложнее передать глубину пространства, цвето-теневые нюансы. Но, используя разные по цвету ткани, разнообразной фактуры нити, применяя жемчуг, драгоценные камни, можно создавать произведения не меньшей художественной ценности. Что интересно: вышивание – искусство неторопливое, постепенное, торопыгам оно противопоказано. Но именно эта неторопливость, резонирующая с внутренним состоянием мастера, помогает передать и внутреннее состояние изображаемых, их духовность, смиренность, неагрессивную стойкость. Условность, неотмирность изображения, в принципе присущие православной иконописной традиции, позволяют вычленив в произведении главное, не отвлекаясь на бытописательство.

В древности фоном служили однотонные шелковые ткани, под которые для прочности подкладывали холст. Лица и руки шили шелковыми нитями швами «атласными» или «в раскол». Золотые нити пришива-

ли «на проем», или «в прикреп», или «по настилу». Прикрепов существует много. Наиболее известны: «рядки», или «косой ряд», «городок», или «копытченко», «денежка», «ягодка», «черенок», «клопец», «перышки». Названия устоялись примерно в XIX веке.

Часто использовали жемчуг, которым обшивали или выкладывали узоры. Для этого прокладывалась в два ряда толстая нить, на которую поперечными стяжками пришивали нанизанный на другую нить жемчуг. Так же можно пришивать бисер и драгоценные камни. Последние прикреплялись и отдельно. Также использовались всевозможные разделочные сеточки: диагональная с закреплением «крестом», «лапкой», «паучком», в шахматном порядке... Швы тоже были различные, с необычными наименованиями: «стебелек», «тамбурный», «козлик» и др.

Рисунок для вышивки выполняли профессиональные художники.

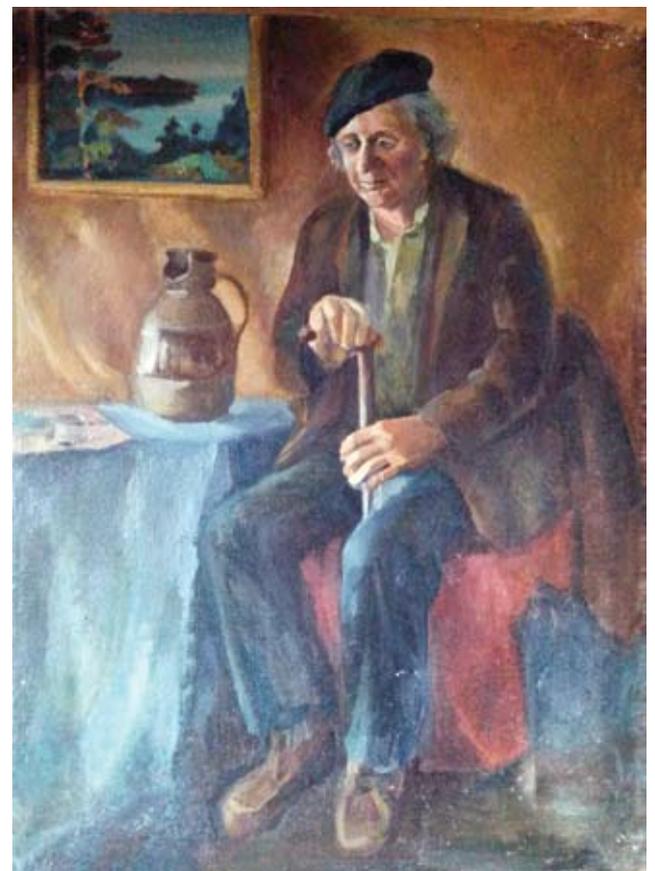
На подступах к теме. Графика

Та самая дипломная работа. Шитье

Акварель, карандаш, гуашь... Ольга владеет практически всеми техниками изобразительного искусства, но первая и единственная любовь – золотое шитье

IC

XC

ГДЬ ВСЕ

ДЕРЖИТЕЛЬ

НЕНАЛИЦА ТЕ, ННЪЖЕ
СЪТЕСНОВ БОСОУДОМ
ЕЧЛВЪЧЕСЪСОУТЕЮЖ
ТНННОПЕ: ЕНЪРОУМ
ВЕДЕСЪСОУЪРНТЕТОЖ

Спаситель. Шитье

Ольга Куранова

А работал он на Господа автобиографические заметки

Нижний с верхней точки. Вдали – Стрелка. Место, где, словно лермонтовские Арагва и Кура, «обнявшись, будто две сестры», соединяются Волга и Ока. Ольга Куранова не устает фотографировать любимый город

В город Горький мы приехали в середине семидесятых. Со старинной, необыкновенно уютной улицы Славянской, где недолго прожили первое время, семья наша переселилась на Ковалиху, и стали мы первыми жильцами новенькой, среди таких же построенных лесенкой, высотки.

Детство-отрочество было в самом разгаре, и я прекрасно помню себя, счастливую, зимой, в сугробе, после веселого катанья с ковалихинских гор. На дворе еще не поздно, но зимние быстрые сумерки уже притащили синее звездное покрывало. Счастье – беззаботно лежать на снегу, вверх лицом, раскинув руки и наблюдая, как в огромном твоём доме зажигаются огни. У многих, наверное, найдется похожее воспоминание из детства. А вот следующий эпизод моей памяти, смею думать, уникальный и отношение имеет к нижегородской (а точнее, горьковской) истории.

Борис Николаевич... Городской чудак конца семидесятых, высокий странный человек. Как поговаривали взрослые, *вроде как не в себе*. А нам, подросткам, после таких разговоров любопытно было его на улице встретить. Интересно и даже страшновато. Узнав его – волею судьбы – поближе, сумасшедшим я его уже не считала.

Жил Борис Николаевич в маленьком деревянном домике, родительском, без каких-либо удобств, с дровяной печкой и керосинкой, на улице Семашко, что спускается на Ковалиху с площади Свободы. Был мастером на все руки, и даже – что особенно ценили – часовщиком. А на улице действительно выглядел необычно, особенно зимой. В любые холода можно было видеть его бодро шагающим в каких-то сандалиях на босу ногу, одетым более чем легко по зимнему времени – в черную майку на вытянутых бретелях и коротковатые штаны или шаровары. Конечно, он привлекал внимание встречных – и одеянием, и точеной, сильной и жилистой фигурой. Это был человек не молодого, но совершенно неопределимого возраста, по-своему красивый, смуглый; с лицом, всегда опаленным солнцем и обветренным. Знакомых своих он при встрече приветствовал иной раз низким поклоном. И это тоже заносилось в список его странностей. Еще

более удивлял он посетителей из тех, что попадали к нему в домик впервые (завсегдатаи привыкли): мог встретить в одном лишь затрапезном длинном рабочем фартуке на голое тело, то есть практически в чем мать родила. Правда, мог быть и одет – как обычно, поспартански. На груди всегда поблескивал скромный – конечно, не священнический, но все же заметный – крестик на цепочке.

Из семьи нашей мама первая с ним познакомилась. Кто-то маму надоумил, зная, что в доме у нас имеются старинные дедовские настенные часы – красивые, но не действующие: «Сходи-ка к Борису Николаевичу. Он все может».

Преодолев сомнения («Все-таки странный этот Борис Николаевич!»), мама пошла. Он с порога тепло пригласил ее в дом – была зима – в комнату, где за столом, раскрыв большую, видимо, церковную книгу, сидели двое. Оказалось: студент Московской духовной семинарии и его подруга. Похоже, мамин визит прервал какое-то общее дело.

Борис Николаевич часы принял. (Кстати, не только механизм починил, но и корпус деревянный подправил.

Прошло тридцать лет – часы исправно ходят). А маме сказал: «Не уходите так сразу! Мы Евангелие читаем – нельзя в это время уходить».

Так моя мама, на тот момент едва что понимая, осталась. Как оказалось впоследствии – чтобы впервые, в сорок без малого лет, задуматься о смысле своей жизни, чтобы дальше, шаг за шагом, познавать иной мир. Мир радости, не бессмысленной и пьянящей, но благодарной и глубокой – радости души, открытой Богу, познающей Его, идущей Ему навстречу.

Встреча случилась. И здесь, и не здесь. Не в каморке с маленьким окном – в душе человеческой...

«Твоя мама ударилась в религию» – частенько слышала я с тех пор от родных и друзей семьи. И поддакивала, и соглашалась, и сокрушалась, не сознавая своей в сущности предательской позиции. Да и могло ли быть иначе в те годы и в том моем возрасте?

Кто знает, скольких людей в безбожное время привел Борис Николаевич к вере в Бога... Привел своим участием, твердостью убеждений, реальным деланием, а не пустыми глаголами. В его пропахшей керосином домушке собирались в основном женщины и старики. Слушали: он читал Новый Завет, толкования святых отцов, жития, а порой и проповеди из старых книг, еще хранившихся по редким религиозным семьям. На чтениях мама частенько теперь бывала, компрометируя папу (партийца). А наша печатная машинка «Москва» выстукивала странные и опасные для того времени тексты: «Живый в помощи Вышняго...», «Отче наш», «Буди благословен день и час...». Чудо, что это не вылезло тогда наружу, не нарушило внешнего хода жизни в моей семье, ведь самого Бориса Николаевича органы забирали не раз, а в городской газете появлялись заметки о «мракобесе», «сектанте», психически больном «Борьке с Ковалихи». А он все сносил, терпеливо, мудро, не ожидая новых времен, но, как подлинный христианин, чая, по Символу веры, жизни будущаго века.

По воскресным и праздничным для Церкви дням Борис Николаевич неизменно бывал в высококовском Свято-Троицком храме. Статная фигура его возвышалась над прихожанами. В се-

Так выглядел Борис Николаевич в 1970-е годы. Таким его и запечатлел в своей книжке протоиерей Евгений Юшков

мидесятые годы на весь город имелось только три действующих храма, и высококовский, как и другие, заполнялся до предела. Борис Николаевич всегда был на подхвате, деятельно участвуя в богослужении. У него сформировалась даже негласная и, конечно, добровольная обязанность. Из-за духоты и стесненности в храме какой-нибудь из старушек непременно становилось плохо. Легко раздвигая толпу и все видя с высоты своего роста, Борис Николаевич выхватывал ослабевшую бабуленицу, совал под нос ей ватку с нашатырем и так же легко буквально выносил на воздух – продышаться.

Спустя тридцать с лишним лет мне довелось прочесть поистине зловещие материалы местных газет 1978 года. «На кого он работает?» – опасный по тем временам заголовок в главном городском печатном органе – «Горьковской правде». Мишенью был, по счастью, не наш Борис Николаевич, но ему тоже досталось. А главному обвиняемому – В. Козулину – досталось по полной: за «ложь и клевету на нашу Родину». Убедившись в тщетности попыток добиться разрешения открыть в Горьком еще один храм, он передал все материалы западным журналистам. «У Козулина есть и подручные... – общала газета. – Среди них выделяются активностью Сычев Б.Н., 65 лет, и Коняев Н.Н., 47 лет. Этим разным по возрасту людей объединяет общий

диагноз – шизофрения. Хроническим заболеванием психики они страдают уже десятки лет. Жители Горького неоднократно встречали на улицах города высокого полуседого мужчину, с худыми волосатыми ногами, единственной одеждой которого были длинные, неопределенного цвета полотняные трусы и крестик на шее. Таков внешний вид Сычева...»¹. Не диагноз объединял этих разных по возрасту людей, а желание исповедовать свою веру, разделять ее с другими. И ему не нужны были лавры диссидента или политического мученика.

Не мне судить, но, уверена, христианином он был настоящим. Одно отношение к памяти родителей говорило о многом. Не только молился о них ежедневно сам, но каждые сорок дней, снова и снова, годами (наверное, до кончины своей) заказывал поминание на проскомидии. Воцерковленные люди знают, как это важно – моление Церкви, священства о душах тех, кого нет с нами, но кто вечно жив у Бога. В сарае у Бориса Николаевича приютилась кузничка, доставшаяся от отца. Там он нередко что-то починял, лудил, паял, разбирал и собирал, громыхая железом. Платы за свои труды никогда никому не назначал, только всегда просил поминать его родителей. В собственной семье он был, по его рассказу, седьмым и последним ребенком. К старости отца и матери остался у них единственным: покоил до конца их дней, он же и хоронил их.

Неизбежен вопрос: на что вообще-то он жил? От государства Борис Николаевич отделился полностью, даже пенсии не получал. Милостыней никогда не промышлял. Не чурался любого труда, тяжелого, грязного, тяжкого, – брался за все. Тонкую работу – например, починить часы – имел по случаю. Зато частенько пилил бревна, колот дрова, умело управляясь и с топором, и с пилой, и с другим мужским инструментом. По заказу рыл погреба, копал грядки на дачах, строил гаражи, дома, сараи. Благодарили его за работу кто как мог – приносили и деньги, весьма скромные, и что-то из домашней снеди.

¹ См.: Коники В. На кого он работает? // «Знамя» (газета), 6 июля 1978 года (перепечатка из газеты «Горьковская правда»).

Подобное «Знамя» в те годы могло развернуться над любым из нас

Та самая Ковалиха, где когда-то жил наш герой

Или же хлеб, крупу, чай да сахар, которые тут же уходили порой в другие руки, если хозяину казалось, что кому-то нужнее. Домашнее чаще всего приносили женщины. Да, собственно, они и составляли в те годы эту маленькую, сложившуюся общинку.

В высококовской церкви просфоры пекли в дровяной печи (и сейчас, кажется, сохранили эту традицию): Борис Николаевич и по части дров был безотказен. И воды для водосвятного молебна до девяности ведер иной раз натаскивал в храм — на Богоявление, например. Нередко копал могилы. Рассказывали, морозной зимой 1977-го в одиночку выдолбил возле Высоковского храма могилу для почившего горьковского владыки Флавиана.

Милостив очень был к людям, особенно к пожилым. В морозы бежит к нему старуха из окрестных деревянных развалюшек: «Николаич, спасай, дров совсем не осталось, топить нечем, замерзаем!». И вот уже снаряжают самодельные сани, и Борис Николаевич шагает по известному ему маршруту — к дому, который на слом. Глядишь, и дотянет бабуля до тепла. Так он и свою печь топил.

Спустя годы я стала понимать (и мама подтвердила мою запоздалую догадку), что не только за проповедью — за новым знанием тянулись к нему. Человеку нужен человек во все времена. К нему шли за словом утешения, любви, поддержки. Он не лил елей, но после беседы с ним, а то и просто по-

сле двух-трех ободряющих слов словно расправлялись крылья, осознавались собственные силы и неодинокость!

Мама утверждает, что даже архаичный вопрос — быть или не быть рожденной моей младшей сестре — решался отчасти именно с Борисом Николаевичем. Когда тебе под сорок, и уже трое детей в семье, и так легко относились к абортам в те годы, — казалось, будущая жизнь обречена. И отец мой, и бабушка, мягко говоря, не обрадовались; а врачи хором советовали маме «не рисковать!». В слезах побежала она к Борису Николаевичу. Он ее сомнениям удивился:

— Кому бы горевать? У тебя крыша над головой есть? Есть. Супруг любимой есть? Есть. Детки хорошие, мама живая, работа рядом с домом. Быть этому ребеночку! И не сомневайся. Помоги тебе Господь! Я буду молиться, и ты моли Бога, моли Царицу Небесную!

И Мария появилась на свет. Сейчас у нее, любимой и единственной моей сестры (между нами — братья), у самой — двое ребятишек...

Особо замечу: никогда Борис Николаевич не примерял на себя роль старца. Скорее, всю жизнь свою был он воин Христов. Высокий, жилистый, безбородый, коротко стриг волосы, как мне помнится. Но главное, конечно, не внешний спартаковский облик, а внутреннее состояние. Скорый на подъем — ради помощи другому человеку; деятельный, имевший минимум потребностей в отношении

лично себя. О духовных его трудах не смею и судить.

...И все же избушку свою он покинул, и город наш тоже. Ходили слухи, что на границе новых времен, в конце 1980-х, навестили его какие-то бандиты, угрожали убить «этого апостола». Истина мне неизвестна. Борис Николаевич решил, видимо, не искушать судьбу, подался искать иной доли. Перебрался, сказали, в сельцо Старково, что в Володарском районе, за Дзержинском. Мама с маленькой Машей его как-то раз там навестили. Жил, конечно, при храме, служил звонарем. И оттуда доходили слухи о некоторых его причудах: с колокольни не спускался сутками, даже спать ложился наверху. В Старкове на кладбище он и упокоен. Домик его в Нижнем Новгороде давно снесен...

Мама моя, поставив нас на ноги и овдовев в начале 1990-х, приняла монашеский постриг и несет свои труды в монастыре. Обе мы храним молитвенную память о рабе Божием Борисе. А несколько лет назад словно пришла от него светлая весточка! От друзей из Борска попала мне в руки небольшая, с любовью сделанная, чудесная книжечка священника Евгения Юшкова «Мое поле». Помимо очерков и размышлений есть в ней авторские рисунки, карандашные зарисовки (с юности своей о. Евгений — одаренный художник). Книга раскрылась на очерке и знакомом портрете — Борис Николаевич, он! И подпись: «Нижегородский коваль с Ковалихи, часовых дел мастер Борис Николаевич». Вечная ему память!

Ирина Ушакова

Странник Роман

Вам никогда не доводилось бывать ночью в Троице-Сергиевой лавре? Точнее, это был хмурый осенний вечер, когда уже с восьми часов – непроглядная тьма. Я немного раньше ушла с трапезы, накрытой после конференции, когда там вдоль длинных столов звучали многолетия Патриарху и отцу Киприану (Яшенко), собравшему нас всех на этой важной встрече педагогов и врачей, позванивали бокалы, и кто-то даже пронес гитару, блеснувшую черным лаком.

Но мне надо было спешить. Добежав до главных ворот лавры, я поняла, что они заперты. Надо мной была ночь, а рядом – только преподобный Сергей. И тут появился мужчина лет пятидесяти, может, с лишним, с рюкзачком, похожий на Дерсу Узала. Он сказал, что если я ищу выход, то он – там. И мы пошли в указанную им сторону. Незнакомец спросил мое имя, сказал, что его зовут Роман, странник Роман, и что пришел он пешком в лавру с Горного Алтая после того, как погибла под колесами поезда его жена. «Так-то, сестричка

Таким увидел Странника фотограф Иван Жук

Иринушка», – вздыхал он, однако не сел, а надеясь той неизменной русской надеждой: мол, ничего, все под Богом...

Романа сильно избили на Казанском вокзале в Москве, где он хотел переждать, пока заживут его кровавые мозоли. Теперь он рассуждал так: «Я не желаю им зла, радуюсь, что теперь я – как батюшка Серафим, на которого тоже напали разбойники, избили его». Пока мы шли с Романом до вокзала, он выступал вперед на каждом дорожном переходе и, видя, что я оглядываюсь по сторонам, говорил: «Идем! Не бойся!». На одном из переходов рядом с нами шла молодая женщина с коляской и глядела в телефон. Роман строго сказал: «Нельзя в телефон играть, когда ты с ребенком!».

На перроне я протянула Роману кусок пирога, безбожно вынесенный мною с Сергиевой трапезы, но он отказался принять. Странник еще крестил меня с перрона широким крестом, когда я, усевшись у окна в пустом вагоне, открыла любимый томик Николая Лескова и глядела на буквы, которые расплывались от слез.

Александра Аркадьевна

После дня трудов хорошо прилечь на светлой веранде под любимой с детства картиной Ивана Шишкина «Корабельная роща» и листать найденные в старой библиотеке подшивки «Роман-газеты», к примеру – за 1968 год, где Владимир Чивилихин и Расул Гамзатов. А когда совсем стемнеет и веранда наполнится трепетанием под занавесками крыл серых бабочек, пойдешь в горницу читать прадедовский служебник, еще тогда, в прошлом веке, обильно закапанный воском. В такой же вечерний час в Троицком храме шла служба. Это было сто лет назад. Но будто сейчас слышится тебе удар колокола и запах ладана уводит в древность, когда поднимались здесь, у въезда в село, литовские курганы. Эти молитвы, что возносили над миром твои предки, остались при тебе навечно. И все вокруг оберегает: и полевой простор сразу за домом, где в низине стоит тракторок, и великолепный, запущенный теперь усадебный парк Рачинских, и Троицкая церковь, до которой от крыльца твоего дома сто шагов...

То чудится тебе, что нет ни души в этом селе, то вдруг обступают тебя твои ближние, которые уже в мире ином, да все – живее живых. Александра Аркадьевна Иванова, дочь любимого ученика основателя Татевской школы С.А. Рачинского, в голодные 1990-е годы, когда они – учителя – вынуждены были заводить ко-

ров, чтобы прокормить детей, стала собирать по миру на реставрацию Троицкого храма. Она-то знала, что это храм спас их в 1920-е годы, когда ее родителей выгнали из школы за сотрудничество с церковным учителем Рачинским. Но народ все равно тянулся на Пасху к разоренному храму – хоть на кладбище посидеть. Люди шли мимо дома Серяковых и оставляли у них на крыльце то краюху хлеба, то крашеное яйцо, то несколько картофелин.

В селе помнили, что Серяковы учили их грамоте, учили заповедям Божиим.

В ту холодную зиму начала 1930 года было совсем голодно. Мама Александры Аркадьевны собрала под образа своих четверых детей и стала молиться. Дети опустили на колени возле нее... А рано утром в дверь постучали. Заснеженный, в избу ввалился мамин брат и сказал: «Мне приснилось, что у вас тут есть нечего. Собрал вот мешок картошки. Держите!»...

Еще стоит в Татеве дом Александры Аркадьевны, где с ее отца художником Николаем Богдановым-Бельским была написана картина «У больного учителя», дом,

где в годы гонений прятали в хлеву книги, когда-то полученные из рук Рачинского. Эти стены помнят, как мама Александры Аркадьевны всю свою долгую жизнь, в домашних хлопотах, по памяти пела весь строй утреннего и вечернего богослужения, будто стоя на клиросе, словно тогда, в кипевшей жизнью церкви. Хорошо и теперь в этом столетнем доме. И будто сегодня слушаешь рассказ пожилой учительницы.

Идешь по парку, двести лет назад посаженному Рачинскими, и ощущаешь, как теперь, во дни разрухи и тревоги, спокойно тебе здесь, благодатно. Село не умерло, но спит, как Лазарь перед воскресением.

Памятник и память – слова одного корня размышления у постамента

Любовь к памятникам россиянам стали прививать с благословенных времен Екатерины Великой. Похоже, что во втором десятилетии XXI века Россия переживает очередную волну моды на изваяния и монументы. Только в конце августа с

подобающими почестями были открыты монументы святому князю Владимиру в Смоленске и Владимире. В ноябре ожидается торжественная установка колосса крестителя Руси на Боровицкой площади в Москве.

Приехав во Владимир на открытие фотовыставки в честь 850-летия храма Покрова Богородицы на Нерли, я не мог не посмотреть и новый памятник святому Владимиру. Произведение скульпторов Петра Панченко, Алексея Крайнова и художника Евгения Баранова произвело весьма благоприятное впечатление: четырехметровая скульптура на двухметровом постаменте, бронзовая фигура князя исполнена спокойствия и достоинства. Чувствуешь: перед тобой личность масштабная, эпохальная. Авторы придали облику князя черты, присутствующие иконописным образом библейских царей и пророков, что максимально приближает его к традиционным канонам изображения христианских святых.

Однако мои радостные чувства слегка омрачили воспоминания о недавних актах вандализма, жертвами которых стали памятник А.И. Солженицыну и бюст В.И. Ленина в Челябинске. Неприятно, что пример вандалов заразителен. Надо сказать, что вандал – типаж в высшей степени убогий, интеллектуально и духовно ограниченный, если не сказать – примитивный; ему всегда ясно, кто виноват в его бедах. И такому, увы, подражают, что еще неприятнее.

Если виновного перед глазами нет, вандал обращает взор на памятники. Он требует ответственности от них. Это, кстати, и безопаснее, так как самый могучий монумент не сможет дать сдачи. А пакостник вандал ко всему прочему еще и труслив – совершает набеги ночами, закрыв лицо и накинув капюшон.

Мне больно думать, что нечто подобное может произойти с памятником равноапостольному князю. Это будет настоящая, живая боль, поскольку мне глубоко близок религиозный выбор святого Владимира. Конечно, в русских людей христианство вошло не сразу. Понадобились долгие десятилетия и даже века, чтобы евангельские заповеди, дарованные нам Спасителем Господом Иисусом Христом, укоренились в нашем сознании и овладели нашими сердцами. Но я глубоко убежден, что именно от евангельской проповеди появились те, кого сегодня мы называем русским народом.

Вам никогда не доводилось задумываться о том, что такое русский характер? В чем его уникальность? По моим наблюдениям, русский народ отличает удивительное сочетание порой противоречивых и даже парадоксальных качеств. Мы одновременно мудры и наивны, рациональны и подвержены сильным эмоциям, активны и склонны к созерцательности, практичны и мечтательны, любим шумную компанию и при этом нередко испытываем потребность в уединении, даже в затворничестве.

Но самые яркие и сильные черты русского народа, с моей точки зрения, проявляются в способности наших людей к самопожертвованию и самоотречению во имя достижения общих, коллективных целей. Только в среде настоящего

христианского народа могла возникнуть такая поговорка, как: «Сам погибай, а товарища выручай!». Она удивительно созвучна евангельскому изречению: «Нет больше той

любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13)!

Именно благодаря редкой способности русского человека к самопожертвованию российским воинам удавалось выходить победителями в войнах, в которых «косной», «консервативной», «закостенелой» России противостояли самые «прогрессивные» и «передовые» европейские страны, чьи

армии были вооружены и оснащены по самому последнему слову высоких технологий. Очень часто искренняя и самоотверженная вера в Бога помогала нашей стране намного лучше, чем научно-технический прогресс другим государствам. Так было и в 1812 году, и в 1941–1945 годах.

Практически с первых веков принятия христианства русское воинство приступало к серьезному делу с молитвой. Перед всемогуществом Господа Вседержителя трепетали как деревенские простецы, так и завсегдатаи либеральных и просвещенных аристократических салонов. Известный историк, писатель и публицист Александр Архангельский в книге «Александр I» пишет: «...что бы ни говорили скептики, он (Кутузов. – В. Р.), по крайней мере, знал искупительную, объединяющую силу молитвы. И, подобно куда более молодому партизанскому генералу Денису Давыдову, отрастившему бороду, сменившему мундир на кафтан, а дворянские ордена – на большую нагрудную икону святого Николая Чудотворца, догадывался, что чудотворные иконы существуют не только для того, чтобы оппозиционные кружки выставляли их с “надписями”, демонстрируя свою оппозиционность. Одна из самых пронзительных, самых правдивых сцен “Войны и мира” воспроизводит эпизод моления перед иконой Смоленской Божией Матери:

– Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую!..
– Смоленскую Матушку, – поправил другой. <...>

В длинном сюртуке на огромном толщиной теле, с сутуловатой спиной, с открытой белой головой и с вытекшим, белым глазом на оплывшем лице, Кутузов вошел своею ныряющей, раскачивающейся походкой в круг и остановился позади священника. Он перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову. <...>

Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли”».

«До Бога высоко, до царя далеко» – гласит русская поговорка. В ней несколько пессимистично отражена извечная тоска простого народа о высшей Правде. Но, в любом случае, на первое место здесь поставлен именно Бог. Поскольку если в самые тяжелые (кризисные) времена помощи от царей уже никто не ждал, то всегда оставалась надежда, что Бог

услышит твои молитвы. И чудеса не так уж и редко посещали многострадальную русскую землю: отступали смертоносные эпидемии (как, например, моровая язва в 1771 году), внезапно и необъяснимо поворачивали вспять армии

лютых врагов (как случилось с ордой крымского хана Казы-Гирея, дошедшего аж до самых московских пригородов летом 1591 года) и многое, многое другое...

Вот такие мысли посетили меня около нового памятника святому князю Владимиру на Большой Московской улице во Владимире. Кстати, слово «новый» применительно к этому монументу имеет особое, сугубо местное смысловое звучание. Дело в том, что во Владимире есть еще один памятник крестителю Руси. Он был открыт 28 июля 2007 года на смотровой площадке в парке имени А.С. Пушкина недалеко от Успенского собора. Мне удалось сфотографировать его прошлым летом и в январе этого года. Официально эта композиция называется памятником крестителям Владимирской земли, основателю города Владимира равноапостольному князю Владимиру Красное Солнышко и святителю Феодору. Автор скульптурной группы – заслуженный художник России Сергей Исаков. Я очень надеюсь на то, что мои соотечественники будут не только любоваться этими изваяниями, но и приложат определенные усилия, чтобы больше узнать о той роли, которую князь Владимир сыграл в истории России. И, как следствие, окружают его памятники, установленные в разных русских городах, своей заботой и искренней любовью. Хотя, если честно, то мне кажется, что лучшим памятником крестителю Руси стала бы наша жизнь по заповедям и Закону Божьему, который он сделал доступным для нас более 1000 лет назад.

Москва – Владимир – Москва

Вадим Рутковский

СКРЕПЫ

Помышляйте и творите то, что угодно Богу.

*Преподобный
Савва Сербский*

Родители великого поэта

Михаилу Юрьевичу Лермонтову «Лампада» посвятила не одну публикацию. Беседа с выдающимся литературоведом и писателем монахом Лазарем (Афанасьевым) о религиозном содержании творчества поэта, очерки сотрудников музея-заповедника «Тарханы» Елены Родиной и Татьяны Колян о его ближайших предках – бабушке и дедушке, проясняющие важные стороны их взаимоотношений. «Год Лермонтова» на страницах нашего журнала вышел за рамки астрономические, но разве и сам поэт может уместиться в границах времени? Минуло 200 лет со дня его рождения – он по-прежнему современен, потому что вечен. Сегодня мы предлагаем читателям очерк Татьяны Колян о его родителях – Марии Михайловне и Юрии Петровиче Лермонтовых.

«Две жертвы жребия земного...»

Судьба Михаила Юрьевича Лермонтова с самого младенчества складывалась очень непросто. Рано потеряв мать, он особенно остро нуждался в отцовском тепле. Но взаимопонимания между воспитывавшей его бабушкой, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, и отцом, Юрием Петровичем, не получилось. Участь родителя, которого «почли за ничто», не могла не волновать юного Мишеля до глубины души.

Ю.П. Лермонтов родился 26 декабря 1787 года (ст. ст.). Его гениальный сын как-то заметил: «Не все судьба балует нас, всему свой день, всему свой час».

Юрия Петровича жизнь не баловала с детства. Ему было 11 лет, когда, в начале 1799 года, умер его отец, Петр Юрьевич, бывший председатель дворянской опеки в Галиче, оставив в наследство жене Анне Васильевне вместо прожитых родовых имений многочисленные долги. Спасаясь от кредиторов, Анна Васильевна временно вынуждена была скитаться по друзьям и знакомым, т. к. долги нечем было платить, а кроме сына в семье было семь дочерей (две из них умерли в раннем возрасте). Покровительство вдове оказывала семья помещика Василия Васильевича Арсеньева – соседа Анны Васильевны по ее единственному именищу в деревень-

ке Кропотово в Тульской губернии. Сын В.В. Арсеньева, майор Никита Васильевич, взял под свое крыло подростка Юрия, учившегося в кадетском корпусе, где Н.В. Арсеньев командовал ротой.

У Василия Васильевича было много детей. Одному из его сыновей, Михаилу Васильевичу Арсеньеву, суждено было стать дедом Михаила Юрьевича Лермонтова. Правда внук родился спустя четыре года после смерти деда.

С дочерьми Василия Васильевича – капитаншей Дарьей Скерлетовой и девицей Варварой – Анна Васильевна Лермонтова в 1809 году гостила в Тарханах, в Пензенской губернии, у Михаила Васильевича Арсеньева и его жены Елизаветы Алексеевны. Не знак ли это судьбы? Сначала встретились две будущие бабушки еще не родившегося гениального отрока, и лишь спустя несколько лет встретятся его родители.

Их встреча произошла в селе Васильевском Орловской губернии, у Арсеньевых, куда вдова Елизавета Алексеевна приехала погостить с единственной юной дочерью Машей. В это время Юрий Петрович уже был капитаном в отставке («за болезнью, с мундиром»). Биограф М.Ю. Лермонтова П.А. Ви-

До революции маленьких мальчиков почему-то часто наряжали в девичье

сковатов («М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», 1891) писал, что «женское население Кроптовки и Васильевского», заметя склонность молодых людей друг к другу, «жарко принялось за дело», так что в Тарханы Мария Михайловна вернулась уже «объявленною невестой». Но браку противилась Елизавета Алексеевна. Она прекрасно знала материальные проблемы семьи Лермонтовых и, видимо, не хотела отдавать Машу в нищету. Но смирилась. Отдала. С условием, что зять пойдет в примачи, поселится с молодой женой в Тарханах. На том и решили.

История жизни супругов Лермонтовых в Тарханах хорошо известна в пересказе П.А. Висковатова. Елизавета Алексеевна так и не смогла полюбить своего зятя. Мария Михайловна, оказавшись как бы между двух огней, заболела скоротечной чахоткой и умерла, не дожив трех недель до своего двадцатидвухлетия. Сыну

Лермонтовых, Мишеньке, было тогда два года и четыре месяца.

После смерти Марии Михайловны между двух огней оказался младенец.

Позднее шестнадцатилетний Михаил Юрьевич, пытаясь осмыслить непростую ситуацию семейной распри, в автобиографической драме «Люди и страсти» устами своего героя восклицал: «Всемогущий Боже! Ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри... зачем же все это рушится на голову мою?! Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею...».

Но ему ли, ребенку, было возможно примирить бабушку и отца?

Сначала Елизавета Алексеевна умоляла зятя оставить у нее маленького внука как «единственный предмет утешения» дней ее последних. Отец героя драмы «Люди и страсти» Юрия Волина говорит: «Отец имеет более права над сыном, нежели бабушка... Я, сжался над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать... Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну».

После смерти жены Юрий Петрович уехал в Кропотово. Но Елизаветой Алексеевной двигала ревность: «Нет ничего хуже, чем пристрастная любовь, но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем», – писала она о внуке. Она боялась, что Мишенька привяжется к отцу и оставит ее. Чтобы закрепить свои права над ним, по духовному завещанию от 10 июня 1817 года все свое состояние она отдавала в наследство внуку, однако при условии, что он будет воспитываться у нее до его совершеннолетия. Юрий Петрович вынужден был уступить. Но он не отказывался от сына. И сын платил ему нежной любовью.

В духовном завещании от 28 января 1831 года Юрий Петрович писал: «Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою. Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерей, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоём ко мне ничего не потерял».

О жизни Юрия Петровича в Кропотове известно мало. Он жил замкнуто, второй раз не женился и, вероятно, мно-

*Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Земля сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...*

*Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый
И для страны порочной – слишком
чистый*

*Не веселит мне сердце никогда.
Его одеждой холодной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.*

1831

го передумал о жизни вообще и о своей судьбе в частности. В духовном завещании Юрия Петровича, написанном в последний год его жизни и обращенном к сыну, отразились лучшие качества его души: благородство и глубокая вера в Бога.

Отец первым заметил искру таланта в своем сыне и предостерегал его: «Хотя ты еще и в юных годах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, – не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце – не ожесточай его даже и самою несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам впадаешь в презираемые тобою пороки».

М.Ю. Лермонтов любил свою бабушку, жалел ее и, следуя завещанию отца,

старался понять мотивы ее поступков, не ожесточая свое сердце несправедливостью. Но пронзительная боль за отца, испытанная в отрочестве, навсегда осталась в его сердце.

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...*

Юрий Петрович простил свою тещу. Будучи болен чахоткой и готовясь предстать пред Всевышним, обращаясь к шестнадцатилетнему сыну и надеясь на его понимание, о его бабушке он писал: «...несправедливости ея ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ея заблуждении, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю!».

День похорон отца – 3 октября 1831 года – совпал с днем рождения его сына: Михаилу Юрьевичу исполнилось семнадцать лет.

Вскоре после смерти отца М.Ю. Лермонтов напишет:

*...Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был
конец*

*Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен*

*в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой*

*горели в ней, оправданный Творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:*

*Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!*

Смерть отца, хотя развязала семейную распрю, стала страшной потерей для юного поэта. Без вины виноватый, он еще долго ощущал себя причиной «всех мук» своего отца. В «Эпитафии», посвященной отцу, он писал:

*Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним...*

Юрий Петрович умер на сорок четвертом году от рождения, умер христиански, завещав сыну главное, что составляло сущность его жизни: «Верь, что истинная, нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно».

«...Как песня матери моей»

Первые воспоминания младенчества у Михаила Юрьевича Лермонтова связаны с матерью. Что-то невыразимо нежное, трогательное и горестно-ускользающее осталось от нее в его памяти. Ему было два года и четыре месяца, когда она умерла. «В Тарханах долго помнили, – писал биограф поэта П.А. Висковатов, – как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-служугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, – помнили, как возилась она и с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой». 24 февраля (ст. ст.) 1817 года чахотка унесла Марию Михайловну в могилу. Ей не было и 22 лет.

*Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили... –*
писал Лермонтов в поэме «Сашка».

«Как некий сон младенческих ночей» остался в душе поэта ее образ. Тоскою по матери пронизаны детские воспоминания Лермонтова, которыми он иногда наделял героев своих произведений.

Рассказывая о раннем детстве Саши Арбенина в неоконченной повести «Я хочу рассказать вам...», Лермонтов передает ему свои ощущения: какое-то «непонятно-сладостное чувство уж волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку. Ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил, но у старой няньки руки были такие жесткие!». А герой юношеской драмы «Странный человек» Владимир Арбенин по крохам собирает в своей душе то, что связывало его с матерью, с которой он был рано разлучен: «На ее коленях протекли первые годы моего младенчества, ее имя... было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни...».

Но все же главное, что осталось у Лермонтова от матери и не ушло от него никогда, – материнская песня, точнее, отзвук ее.

АНГЕЛ

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*
1831

Служанка Аннушка, персонаж драмы «Странный человек», рассказывает о детстве Владимира Арбенина: «А бывало, помню (ему еще было три года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и каются!..».

В своей тетради юный Лермонтов записал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

Позднее поэт признавался:

*Люблю я песни, в них так живо
Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они...*

Михаил Юрьевич унаследовал необычайную музыкальность своей матери, она воплотилась в его творчестве. Не случайно один из современников поэта, профессор И.Е. Дядьковский, заметил о нем: «Что за человек! Экой умница, а стихи его – музыка, но тоскующая».

Материнская песня была для поэта не только воспоминанием младенчества – она стала «сладкой песней отчизны». Сквозь призму материнской песни он ощущал любовь к Родине: к родному дому в степных просторах России, «к синим горам Кавказа», где память о Марии Михайловне хранили проживавшие на Кавказе родственники поэта:

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.*

Память о матери навсегда осталась для Михаила Юрьевича святыней и источником вдохновения. Именно образу матери в сердце сына мы обязаны созданием многих чудных его творений. Отзвук чарующе-печальной материнской песни поэтически воплотился в песне ангела, которая удивительным образом запоминается едва ли не после первого прочтения.

Портреты маленького Мишиньки Лермонтова и его матери выполнены неизвестным художником. Акварельный портрет отца – работа самого поэта.

Ирина Иванова

Остров на море лежит Обыкновенное путешествие в необыкновенные места

Надоела нам Европа: интересно, но все не по-нашему. Все вроде как жалеют «бедных россиян», учат, похлопывают по плечу. То было несколько лет назад. А сейчас тем более не хочется... И решили мы с мужем поехать по интересным местам своей страны. Много видели святых храмов и монастырей, посетили живописные и разнообразные уголки поистине необъятной нашей Родины, в том числе Валаам и Кижы. А вот на Соловки все никак не решались: зная немного их историю, опасались, что сердце зацемент от увиденного. Но муж настоял, и вот, благословившись у своего духовника, отправились в далекие края, к Белому морю...

Выйдешь из теплой каюты на палубу – и сразу ледяной ветер проникает под одежду. Не зря Белое море в старину называли Студеным. Но так не хочется уходить обратно! Ведь с каждой минутой перед глазами разворачиваются все новые завораживающие картины. Уже издали видны горы Соловецкого архипелага. Самая высокая – на острове Анзер – 86 метров! А с Секирной горы из-под купола Вознесенской церкви светит маяк. По Белому морю издавна проходили северные торговые пути, и храм-маяк не раз спасал мореходов и рыбаков.

Наш монастырский теплоход называется «Святитель Николай», и высоко над рубкой установлена икона Николая Чудотворца. Как известно, моряки его почитают своим особым покровителем, повсюду можно встретить посвященные ему часовни и храмы. Прежде у мореходов даже пословица бытовала: от Холмогор до Колы – тридцать три Николы.

И вот все ближе очертания сказочного города: золотые маковки храмов, белоснежные корпуса Спасо-Преображенского, Никольского храмов, Успен-

ского трапезного комплекса, колокольни в стиле барокко, ажурные каменные переходы между корпусами. Прямо сказочные терема. Сам же монастырь, напоминающий величественный корабль, окружен мощными стенами и башнями из огромных валунов (иные до семи тонн!). Толщина стен в основании до семи метров, они наклонены внутрь, увенчаны крестами и смотрильнями, внутри которых установлены пушки. Монастырь долгое время был самой северной и очень надежной крепостью нашей страны. В его истории – славные победы: с Божьей помощью устоял под обстрелом английской эскадры, а также литовцев, французов. Говорят, после поражения под монастырем в годы Крымской войны командующий эскадрой от позора подал в отставку. В Соловецком морском музее есть панорама с рассказом о славных победах.

СЕВЕРНЫЙ АФОН

Швартуемся в бухте Благополучия. Почти шесть веков назад именно сюда, на безлюдный тогда остров, добрались преподобные Савватий и Герман, чтобы

по примеру древних подвижников вести молитвенную жизнь в суровых условиях и уединении. Первым делом поставили деревянный поклонный крест, утвердив в приполярных широтах святую православную веру (ранее остров иногда посещали язычники для проведения своих обрядов, отсюда и загадочные лабиринты).

Чуть позднее к инокам присоединился преподобный Зосима. И в первое же утро вдруг увидел на востоке необычный свет и как бы висящий на воздухе храм. Там и поставлен был Соловецкий Свято-Преображенский мужской монастырь. Отовсюду потянулись сюда иноки и паломники в поисках святой жизни. Этот остров-архипелаг в Белом море люди прозвали Северным Афоном.

Здесь, в глухом суровом краю, совершали свои духовные подвиги монахи Савватий, Зосима и Герман, названные потом преподобными. (В эту поездку нам посчастливилось стать участниками крестного хода по перенесению их мощей в летний Спасо-Преображенский собор).

На втором по величине острове Анзер подвизался будущий схимник преподобный Елеазар. Он основал здесь первый Свято-Троицкий скит. У него принял монашеский постриг патриарх Московский Никон.

Инок Иов до принятия монашества был духовником царской семьи, затем по навету был сослан царем Петром. По преданию Иову явилась Пресвятая Богородица с преподобным Елеазаром и повелела назвать гору Голгофой, а так-

же выстроить на ней церковь во имя Распятия Христова. И было это по Божьему промыслу.

ЛУКОМОРЬЕ

Ступишь на эту заповедную землю, и начинают всплывать в памяти знакомые с детства строки из сказки о царе Салтане:

*В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой.
Он лежал пустой равниной,
Рос на нем дубок единый.
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С золотыми церквами,
Теремами и садами.*

Помнится, он явился Царевичу сразу после пробуждения, как и преподобному Зосиме. И там тоже идет речь о заставе, пушках, что палили с пристани возле крепости...

А вот если вы подумаете, что, например, про дубок и сады что-то не сходится со сказкой, то очень ошибетесь. Открываем краткий путеводитель по Соловкам и с удивлением читаем, что... в Макарьевской пустыне до сих пор сохранились посаженные монахами в то время кусты сирени венгерской, розы морщинистой и бадана толстолистного, сибирские кедры и яблони Палласа. Здесь же растет единственный на Соловках дуб. Точь-в-точь как на острове Буяне!

Так и хочется сказать: «Ай да Пушкин!». Конечно, он прекрасно знал про чудный северный остров: до конца девятнадцатого века Соловки были местом массового паломничества. Остается добавить, что сегодня там же находится самый северный заповедник – Ботанический сад с уникальными растениями, коврами цветов, аптекарской грядкой. В особом микроклимате между озер и гор, в хитроумных теплицах даже арбузы высевают под северным солнцем. Еще думается, что из этих же мест родом и таинственное пушкинское Лукоморье. По-другому его просто невозможно представить.

...Сказочный лес из мшистых елей, сосен, «танцующих» северных берез полон грибов и ягод: черника повсюду

Соловецкие святые

А здесь они подвизались

под ногами, а также морошка, голубика, а иные ягоды и не знаешь, как назвать. Идешь, бредешь – и неожиданно открывается простор моря. Камни-валуны после отлива морских волн светятся на солнце мокрыми боками, на песчаном мелководье можно увидеть и ненадолго взять в руки маленькие морские звезды. Чайки и бакланы настолько доверчивы, что клю-

ют хлеб из рук. А если увяжутся за катером, то не как попрошайки южных морей, а как ловкие веселые трюкачи, что радуют и себя, и зрителей. Охота здесь запрещена, и на озерах архипелага (а озер более тысячи!) гнездятся до двухсот видов непуганых птиц. Морские белухи и тюлени с удовольствием играют вперегонки с катерами и лодками, на которых паломники и туристы путешествуют между островами, или катаются по каналам, сотворенным еще при государе Иоанне Грозном.

Как известно, паломничество без испытаний не бывает. Можно сутками сидеть и ждать у моря хорошей погоды, а Белое море (как часть Ледовитого океана) – с очень капризным характером. На нашу долю, к счастью, выпала очень редкая здесь жаркая погода, и люди на Соловках освежались водой Святого озера, плавали, загорали. И даже коровы, которые тут бродят сами по себе, никак не хотели выходить из воды. Испытание ждало в другом: как только я ступила на причал в Рабоче-

островске, нога провалилась между досок. Еле вытянула, сижу, чуть не плачу, растираю большую ногу. И ко мне подходят две огромные молчаливые лайки: одна тыкается мокрым носом в ладонку, другая лижет мне большую ногу. Вставай, мол, иди на посадку на теплоход, все будет хорошо. Удивительно! Такой доверчивой к человеку природа и животный мир были,

Живая память

Поклонный крест на Секирной горе

наверное, только в Раю. Кстати, на Соловках отсутствуют хищники, змеи, клещи. А вот белки, зайцы, лоси могут встретиться на тропе. Говорят, когда-то были здесь и волки. Но преподобный Зосима наложил вечный пост на эти земли, и тогда волки с воим покинули здешние места.

Раз уж заговорили вначале о сказках, то упомянем поморские и архангельские бывальщины. Они настолько яркие и самобытные, что так бы и слушал без конца.

– Вот говорят, что морозы на Севере лютые, до двухсот, а то и более градусов случаются, так что слова и песни замерзают на лету разными узорами, их потом люди домой берут, оттаивают в тепле да слушают.

Или внук сказочника Степан Писахов рассказывает про северное сияние:

– Летом у нас круглы сутки светло, мы и не спим: день работаем, а ночь гуляем да с оленьями вперегонки бегаем. А с осени к зиме готовимся. Северно сияние сушим. Спервоначалу-то оно не столь высоко светит. Бабы да девки его с бани дергают, а робята – с заборов. Надергают эки охапки! Оно что – дернешь, вниз головой опрокинешь – и потухнет; пучками свяжем, на подволоку подвесим, и висит на подволоке, не сохнет, не дохнет. Только летом цвет теряют. Да летом-то и

не под нужду, а к темному времени опять отживается.

А зимой возьмем северно сияние, теплой водичкой смочим и зажжем. И светло так горит, и воздух очищает, и пахнет хорошо.

Девки у нас модницы, выдумщицы, северно сияние в косах носят – как месяц светит! Да еще из сияния звезд наплетут, на лоб налепят. Страсть, сколь красиво! Просто ангели!

С такими сказками и полярные ночи короче. Потому, уходя на зимние долгие промыслы, рыбаки включали в свою артель и сказочника, на особое довольствие ставили. Вот как.

Северные расписные и печатные пряники – козули – и сейчас славятся, даже выставки, мастер-классы по пряникам проводят: у каждой мастерицы свой старинный рецепт. Пекут их на Рождество и просто на праздник в удовольствие взрослым и детям. А соловецкая селедка вообще «сама в пироги заворачивается и в печь ставится». А еще можно попробовать хлеб с ламинариями. Их рыбаки косят глубоко под водой и потом сушат эти бесконечные зеленые ленты на берегу, как бельё.

Да, есть что посмотреть, послушать и узнать в этих заповедных местах любознательному человеку. Особенно – совре-

менному. Ведь мы часто горделиво полагаем, что живем в век цивилизации, научных знаний и достижений. Куда до нас средневековым жителям! Но на Соловках и это начинаешь переосмысливать. Поражаешься непревзойденной до сих пор мудрости и мастерству инженеров и зодчих того времени.

Огромные каменные помещения обогревались горячим воздухом от одной (!) печи через особую систему ходов (сейчас этот секрет утерян). Корпуса зданий соединялись переходами, что позволяло спасаться от лютых морозов. Стены храмов ставились на валунных основаниях с уклоном внутрь, что придавало постройкам особую устойчивость. Хитроумная система рукотворных каналов объединяла сотни озер, делая их судоходными. Гидротехнические сооружения позволяли использовать огромный перепад уровня воды между морем и сушей для различных житейских нужд. Так появились шлюзы, сухие доки, первая в России каменная водяная мельница, Святое озеро с питьевой водой у стен монастыря. Осушались болота, проводились дороги, они до сих пор служат людям, устраивались заводы для рыбы. При игумене Филиппе, будущем митрополите Московском, в шестнадцатом веке обитель стала

культурным и промышленным центром северных земель.

За одно лето между островами были возведены многокилометровые валунные дамбы, стоящие донныне. Зрелище фантастическое! А ведь это все труды иноков-самоучек.

Отрезанный от земли на многие месяцы, монастырь полностью сам себя обеспечивал. Хозяйственные постройки включали просфорню, сушило для зерна, хлебный и квасной погреба, баню, прачечную, портомойню, чоботную, столярную мастерскую, иконописную. В дальних скитах устроены пастбища и курятник... в виде терема. Это особенность всех соловецких построек: каждая из них – произведение искусства. Мы уже упоминали о теплицах и парниках (это недалеко-то от Полярного круга!). Все было очень продуманно и экономно: горячая вода от воскобелительного заводика поступала в прачечную, а потом по трубам шла для обогрева почвы в теплицах. Сегодня обо всех этих удивительных духовных и трудовых подвигах можно лишь услышать на экскурсии. Потому что в трагические послереволюционные годы на Соловках все было разрушено и утеряно.

РУССКАЯ ГОЛГОФА

В двадцатом году, вскоре после революции, людям запретили верить в Бога, и монастырь был закрыт. А еще через три года на его территории, задолго до лагерей ГУЛАГа, был устроен страшный эксперимент: организован крупнейший Соловецкий лагерь особого назначения, сокращенно СЛОН. Сюда ссылались тысячи невинных людей, вызывающих позорение у новой власти. Храмы и скиты превратились в камеры и тюрьмы, поселок покрылся сетью бараков. (В одном

из них сейчас открыт музей ужасающих лагерных будней).

«Советская власть не наказывает, а исправляет» – звучал один из лозунгов чекистов. И потому подвергали людей ужасным пыткам, ломали их, стараясь вытравить все человеческое. Здесь действовали волчьи законы, надзиратели ухмылялись: «Есть власть советская, а у нас – соловецкая». В двадцатые и тридцатые годы двадцатого века Соловки стали землей крови и страданий. Они явили миру примеры страшной жестокости одних и твердой веры, мужества духа других. Стали Русской Голгофой.

В Свято-Вознесенском скиту на Секирной горе был устроен штрафной изолятор, попасть в который означало муки и смерть. Людей оставляли раздетыми на 50-градусном морозе, спали штабелями в неотапливаемом помещении, редко кто доживал до утра. Охранники развлекались тем, что привязывали человека к бревну и сбрасывали с вершины горы. До сих пор находят могилы с массовыми захоронениями заключенных. У многих связаны руки и прострелены головы в упор. У тропы, ведущей на это страшное кладбище, сейчас установлен шестиметровый поклонный крест цвета крови мучеников. Поклонные деревянные кресты можно встретить повсюду сегодня на островах. Братия монастыря и паломники служат панихиды и возносят молитвы о всех пострадавших в годы гонений. В августе 2013 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил восстановленный храм Вознесения Господня.

Голгофо-Распятский скит на острове Анзер был еще одним страшным местом содержания политзаключенных и священнослужителей, позднее там сделали штрафной изолятор для женщин, а за-

тем – тифозный барак, где умерли сотни и сотни заключенных. По воле Божией на месте этих безымянных могил выросла огромная береза, раскинувшая свои ветви в форме креста. От Голгофы до Вознесения кровь Соловецких новомучеников и исповедников освятила эту землю.

Монашеская жизнь возродилась на этом святом месте. Главное, как сказал наместник Свято-Преображенского Соловецкого мужского монастыря архимандрит Порфирий, он же и директор Соловецкого музея-заповедника, нам помнить: кто забывает свое прошлое, тот переживает его заново. Может, оттого и идет сейчас на Украине братоубийственная война...

Сюда, на Соловки, приезжают не только туристы и паломники со всего света. В связи с большими планами правительства по развитию Арктики три святые жемчужины русского Севера – Соловки, Кизи и Валаам – становятся новыми духовными столпами России. Землей Особого Назначения. Ученые, военные, политики, экологи проводят круглые столы, исследования, принимают стратегические планы развития Соловков.

Все храмы монастыря нынче в строительных лесах, строители, добровольцы с разных уголков страны хотят потрудиться на восстановлении старинной обители и прикоснуться к святой истории заповедных мест (настоятель только сетует, что все – ученые да компьютерщики, а коров подоить некому). И, как в былинные времена, с молитвой, иконами и хоругвями, крестным ходом выходит монастырская братия,

*Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить,
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.*

Заяцкий остров. Весна. По уши в воде

Вид на мир из монастыря

ПОСЛЕДНИЕ СЕМЬ ЛЕТ, что «Лампада» выходит в нынешнем, как теперь принято говорить, *формате*, на ее страницах обсуждались такие – общим числом сорок две, по количеству номеров, – главные темы:

Православная молодежь. Какая она? Воздержание. Милое сердце. Язычество возвращается? Убережем ли мы родной язык? Так ли важно, в кого верить? Справедлив ли к нам Господь? Что случилось с нашей любовью? Что главное – права или обязанности? Как научиться жить в Боге? Зачем исповедоваться, если вновь грешешь? Если на все воля Божия, к чему тогда своя? Православие – религия запретов? Православие – наша национальная идея? Почему одни слышат голос Бога, а другие – нет? Можно ли спастись только с помощью Бога? Что такое счастье? Какая свобода нужна человеку? Отчего детям неуютно в мире взрослых? Что такое быть смиренным? Всегда ли крест по силам? Без чего невозможно чудо? Милосердие выше закона? Человек смертен, и что из этого следует? Какие они, страсти сего дня? Есть ли разница между смирением и покорностью? Какие же мы, православные? Откуда в человеке интеллигентность? Возможно ли изжить зло? Что значит обрести другую щеку? «Общечеловеческие ценности»: заблуждение или уловка? Ограничивает ли воздержание свободу? Как жить верующему в современном мире? Почему слово «счастье» имеет только единственное число? Могут ли повредить душе человека его добродетели? Действительно ли нужны безусловные запреты? Какая она, дорога к Богу? Всегда ли возможно приблизиться к Богу? «...не десять ли очистились? где же девять?» (Лк. 17:17). Можно ли быть свободным вне Бога? Для чего мы приходим в этот мир? «...в законе что написано? как читаешь?» (Лк. 10:26).

ЗА ЭТИ ГОДЫ журнал в разделах *Страна слов* и *Страна красок* познакомил своих читателей со многими выдающимися и просто яркими творческими людьми. Они составляют славу нашего Отечества, многие – поистине украшение нашей национальной и мировой культуры. Это: **прозаики, поэты и драматурги** А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков, Б.П. Екимов, В.И. Лихоносов, А.И. Солженицын, Ю.П. Казаков, Н.М. Рубцов, В.К. Арсеньев, А.Н. Майков, Е.И. Носов; Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.А. Некрасова, В.П. Астафьев, К.Н. Смирнов, Д.Г. Шеваров, Б.В. Шергин, А.Я. Яшин, В.И. Белов, В.П. Некрасов, В.Я. Курбатов, Арсений Тарковский, В.С. Розов, К.Г. Паустовский,

Н.И. Гнедич, Н.М. Коржавин, Г.В. Семенов, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, И.И. Козлов, С.Т. Аксаков, А.Н. Варламов, Н.В. Станкевич, А.П. Чехов, А.И. Ушаков; **художники** А.Г. Венецианов, Л.В. Владимирский, Д.Т. Тугунджан, З.Е. Серебрякова, И.И. Левитан, С.Ю. Жуковский, Коля Дмитриев, В.В. Верещагин, К.А. Коровин, Надя Рушева, Е.Д. Поленова, А.Е. Куманьков, В.А. Серов, М.В. Нестеров, монахиня Христина (Прокопенко), Ю.А. Васнецов, Е.В. Честняков, П.Д. Корин, Б.А. Диодоров, В.Э. Борисов-Мусатов, Евгения Лоцманова, Александра Пономарева; Ю.И. Семенов, К.В. Лемох, А.И. Корзухин, А.Н. Юрков, Ольга Иванова; **кинорежиссеры** Андрей Тарковский, Ю.Б. Норштейн; **мастера фотографии** С.М. Прокудин-Горский, П.П. Кривцов, И.И. Жук; Ю.И. Холдин.

ЗА ЭТИ ГОДЫ собеседниками и гостями журнала были: **священнослужители:** митрополиты Иларион (Алфеев), Климент (Капалин), архиепископ Марк (Головков), епископ Аркадий (Шатов), архимандрит Алексей (Поликарпов), протоиереи Артемий Владимиров, Андрей Ткачев, Михаил Васильев, Александр Салтыков, Николай Соколов, Алексей Уминский, Ярослав Шипов, Максим Козлов, Дмитрий Смирнов, Владислав Свешников, Валентин Улягин, Алексей Ладыгин, Михаил Зазонов, иереи Сергей Ванюков, Андрей Никольский, Христофор Хилл, Максим Казаков, диакон Сергей Сиренко; иеродиакон Философ (Дмитриев), игуменья Елисавета (Жегалова); **литераторы** О.А. Николаева, А.А. Кабаков, А.Н. Варламов, В.Н. Крупин, С.А. Шаргунов; **актеры и режиссеры** Е.Ю. Стеблов, Ю.М. Соломин, Е.А. Камбурова, Н.П. Бурляев, Е.И. Ташков, Е.А. Киндинов; **композиторы** Э.Н. Артемьев, В.И. Мартынов; **журналисты** Э.М. Сагалаев, В.К. Мамонтов, Б.В. Корчевников; **врачи** Л.М. Рошаль, В.А. Соболев; **шеф-повар** Свято-Данилова монастыря О.Н. Ольхов; **общественные и политические деятели** президент благотворительного фонда помощи больным детям «Русфонд» Л.С. Амбиндер, председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотов, депутат Государственной думы Б.Л. Резник, член Совета Федерации С.С. Журова, руководитель Христианского дома трудолюбия «Ной» Емилиан Сосинский; **профессор МДА** А.И. Осипов; **директор** православной школы С.М. Мамай; **предприниматель** Э.А. Межиев.

Отныне журнал «Лампада» – лауреат премии Союза журналистов России. Награждение состоялось в нашем храме 1 ноября. В центре – председатель Союза журналистов РФ Всеволод Леонидович Богданов, который и вручил награду. «Лампада» – первое религиозное издание, удостоенное столь высокой оценки светского профессионального сообщества
Фото Ларисы Беляевой

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

На 2016 год «ЛАМПАДУ» можно выписать как ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ,
так и через ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА:

МАП (каталог «Почта России», индекс 16594);

РОСПЕЧАТЬ (каталог «Газеты. Журналы», индекс 80339).

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия	Всех святых во Всехсвятском
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Всемилоостивого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Преображения Господня в Тушине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Троицы Живоначальной в Хорошеве	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хохлах	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	Воскресения Христова в Кадашах
царевича Димитрия при Голицынской больнице	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
Троицы Живоначальной в Останкине	прп. Сергия Радонежского
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100